

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Владимир ПОСЕЛЯГИН

ДИТЁ ПОСРЕДНИК

Новый мир — новая смерть

Владимир Геннадьевич Поселягин
Дитё. Посредник
Серия «Дитё», книга 4
Серия «Современный
фантастический боевик (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22552672

Дитё: Посредник: роман / Владимир Поселягин: АСТ, Ленинград;

Москва; 2017

ISBN 978-5-17-101027-0

Аннотация

Новая смерть и новый мир. Осмотревшись, Артур сразу понял: ему тут нравится. Огненное лето сорок первого. Орды нацистских захватчиков двинулись на земли Советского Союза, вот только война пошла не совсем так, как должна была, и виноват в этом всего один человек. Вроде оказал помощь, но охоту на Артура теперь начали не только немцы, но и свои. Ну что ж, побегаем и повоюем.

Владимир Поселягин

Дитё: Посредник

© Владимир Поселягин, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Подобранная дубинка оказалась неплохой чесалкой. Конечно, гибкость конечностей ко мне вернулась из-за молодости, но этой толстой хворостиной можно было дотянуться даже до самых труднодоступных мест. Вот я на ходу этим и занимался, пока шёл на выстрелы. Видимо, после перемещения я лежал без сознания недолго, однако этого хватило, чтобы меня изрядно искусали муравьи. Муравейника рядом не было, поэтому я предположил, что лежал на муравьиной тропе.

Долго двигаться по лесу на звуки выстрелов у меня не получилось, они стихли.

– Хм, – остановился я и ожесточённо почесал чуть выше пятой точки. – А что мне там вообще делать?

Судя по листве, был или конец весны, или начало лета: несмотря на то что я находился в лесу, да ещё и обнажённым, прохлады я особо не ощущал, – что же на открытых участках творится? Впрочем, если встретится водоём, то вполне

можно искупаться. Муравьёв я стряхнул с себя, но кожа зудела: те изрядно успели потоптаться на мне и наставить синяков. Микроскопических, но всё же. Как только не забили, как того слонятку?

– Что мы имеем? – я прислонился плечом к стволу дуба с изборождённой трещинами корой. – Перенос произошёл почти штатно, мне четырнадцать лет, и я молод и здоров, память при мне. Правда, у меня украли все мои возможности. Ну, да ладно, убьют, снова перемещусь, хоть и придётся полагаться только на свои умения.

Теперь по тому миру, куда я попал. Ось перемещения – это отражения ветки Земли, мне это ясно сказали. Значит, это один из временных участков Земли. Зная любовь закидывать меня в трудные моменты истории, сделаю вывод, это или Империалистическая, или Отечественная война. Только там активно использовались мосинские винтовки. Надеюсь всё же, что это именно Отечественная, всё же книги о попаданцах я читал именно по ней. Первый раз не свезло, надеюсь, сейчас повезёт... Ладно, гадать не будем, сходим и проверим, скрестив пальцы на удачу.

Этот тренинг помог мне немного прийти в себя после встречи с Богом и с архангелами, поэтому, настроившись, я уверенно направился дальше, двигаясь от дерева к дереву быстрым стелющимся шагом. Так перемещаться меня учили индейцы-следопыты из спецподразделений моей армии, когда я был Чёрным императором. А что, как сдал свои управ-

ленческие дела сыну, так и занялся тренировками, да не как раньше – по паре часов, а учился по пять-шесть, уходя в походы с индейцами не на дни, на месяцы. Так что опыта у меня хоть попой ешь. Жаль только, сейчас я вернулся к розовой нежной коже подошв, в прошлой жизни, даже правильнее в позапрошлой, подошвы, из-за привычки ходить босиком, у меня были хорошо натоптаны, хоть по углям ходи. Ничего, и тут набыю, главное сейчас о сучок не повредить.

Буквально через полтора километра движения по лесу, ладно хоть без буреломов – так всего десяток упавших деревьев встретилось, я заметил впереди какое-то движение, поэтому, удвоив осторожность, направился дальше. Причём я не только видел, но и слышал неизвестных, правда плохо, то громко, то тихо, но было ясно, что поют неизвестную мне маршевую песню, ну а когда приблизился, стало отчётливо видно, что по лесной дороге идёт подразделение солдат.

– Свезло, – широко улыбнулся я.

До воинского подразделения было метров сто, знаков различия, конечно, не рассмотреть, но форму, оружие и амуницию я видел отчётливо. Шёл взвод в пятьдесят человек. Это не в будущем, где во взводе по тридцать бойцов, нет, тут ещё не пришли через боя и кровь к знаниям, что держать во взводном штате такое количество красноармейцев расточительно, да и управлять ими сложно. По местному уставу, в отделении должно быть примерно пятнадцать бойцов, а во взводе три или четыре отделения. Так что шёл стрелко-

вый взвод, я в этом был уверен. Впереди вышагивал командир. Я только покачал головой: синие бриджи, зелёная гимнастёрка, кобура с личным оружием на правом боку и фуражка на голове – первейшая цель для снайпера. Он бы ещё мишень на спине нарисовал для полноты комплекта!

Был ли взводным младший лейтенант или просто лейтенант, я, естественно, разглядеть не мог, да меня это и не интересовало: возвращается взвод в расположение после учебных стрельб, и ладно. Подождав, когда солдаты скроются из глаз, я поднялся и побежал в противоположную сторону. Тут мне ловить нечего. Пищу для размышлений я получил, так что, пока пересекаю лес, стоит всё обдумать.

Что мы имеем на данный момент? Точно не скажу, началась ли уже война. Все солдаты были без погон с петлицами, как и командир, а погоны введут в сорок третьем. У всех бойцов винтовки, даже пулемётов не было, ни одного ППШ, значит, всё же или довоенное время, или начало войны. Судя по лесу, предположу, что первое. Вокруг тишина, это хорошо. Теперь основная задача: добыть одежду, средства выживания, ну и естественно, узнать дату и определиться на местности. Дальше уже будем думать. Ха, по иронии судьбы меня должно было занести куда-нибудь к границе западных областей. Посмотрим... Только в одном я уверен на все сто: к местному главе государства меня не заманишь ни за какие коврижки, плавали – знаем.

Я бежал по лесу, изредка перепрыгивая через упавшие де-

ревья. Один раз у меня под ногами мелькнула чёрная извивающаяся лента. Даже не напугала, я искал их глазами. У индейцев змеи считались деликатесом, поэтому на бегу я подхватил гадюку, оторвал ей голову и подвесил вниз обрубком, чтобы кровь стекала. Пока огня у меня не было, да и распотрошить змею было нечем, но меня учили есть их сырыми, да и на будущее пригодится.

Пробежал я порядка десяти километров, по счастливой случайности избежав повреждения стоп и других неприятностей, но это потому, что очень внимательно смотрел под ноги, выбирая себе путь. Как бы то ни было, впереди показался просвет – это была опушка.

Я остановился и осмотрелся, изучая обстановку вокруг и прислушиваясь. Не показалось, где-то вдали надрывно выль двигатель.

– Хм, это что же так подвывает? Полуторка? – задумался я на пару секунд и рванул дальше.

Предчувствие меня не обмануло. Когда я залег в кустарнике на опушке – рядом с пробежала полевая дорога, – на повороте показалось угловатое чудо местного автопрома. Погромыхивая тарой в кузове и завывая, как боевой кот перед дракой, грузовик проехал мимо и удалился под моим задумчивым взглядом. Техника, конечно, раритет, да и ушатана до предела, но гражданская. В кабине сидели водитель и сопровождающий, а в кузове, среди десятка жестяных бидонов, двое мальчишек лет десяти, в светлой одежде и, что при-

мечательно, с красными пятнами галстуков на шеях.

Машина уже давно скрылась за очередным вывертом дороги, но я все лежал на траве. В кожу больно впивались мелкие сучки, а я размышлял, что делать дальше. И так понятно, сообщать о себе всем подряд не стоит: хрен его знает, те два Посредника переместились в этот мир или другой, а мы враги и будем уничтожать друг друга, главное, чтобы Гриша к немцам не перебежал, этот может. Хотя с другой стороны, чтобы их найти, нужно вызвать огонь на себя, сделать громкое дело и ждать на месте или моих недругов, или их людей, что дадут след.

Пока я размышлял, следом за полуторкой показалась длинная змея детской пешей колонны. Когда та приблизилась, я рассмотрел, что воспитателей было всего пятеро, а вот детей почти две сотни, от восьми до десяти лет. Половина в галстуках.

– Хм, пионерский лагерь, что ли, где-то рядом? – задумчиво проводил я их взглядом.

В это время шагавший впереди ведущий скомандовал запевать – по-русски, кстати, что тоже порадовало, – и малышня грянула довольно бодрую песню: даже соловьи были, что с присвистом провожали каждый припев. Молодцы, могут. Они тут все только колоннами да под песни ходят, или это мне так свезло?

После недолгого колебания следовать за пионерами я не стал, хотя те явно шли к своему лагерю с купания: у многих

были влажные полотенца, да и, судя по солнцу, вечерело уже. А не пошёл следом потому, что делать мне с ними было нечего, ладно бы постарше детишки были, утянул бы какую-нибудь одежду, а эта мне не подходила: рост как у взрослого, хотя плечи пока и узкие – через полгода и они раздадутся, – но всё равно одежду мне подобрать непросто. Ничего, придумаю что-нибудь. Главное, я теперь знал, в какой стороне водоём, значит, неподалёку должен быть какой-нибудь населённый пункт, а там разберёмся. Говорю же, не хочу привлекать к себе внимание. Пока не хочу, не отошёл ещё от предательства русского императора.

Когда дети скрылись за поворотом дороги, я неторопливо встал, стряхнул налипший на кожу мусор и побежал вдоль опушки в сторону пляжа. Как оказалось, до него было недалеко, меньше двух километров, и водоём был не озером, как я предполагал, а довольно широкой речкой, метров сто точно.

От моей змейки за это время остался один хвост. Пальцами освежевав упругое длинное тело, я медленно на бегу принимал калории, так что даже успел насытиться.

У реки остановился и стал с интересом рассматривать город, что расположился на берегу, и двухпролётный железнодорожный мост. Тот был пустой, эшелонов не наблюдалось, лишь охрана лениво прогуливалась рядом, однако дотов или чего-то подобного я не заметил, только сторожки. У охраны были не пилотки, как у встреченного стрелкового взвода,

а фуражки. Странно. Это или сотрудники НКВД, или бойцы железнодорожных войск для охраны подобных сооружений.

Далеко, до моста километр, особо не разглядишь, но часовых двое, это точно. Похоже, те военные сюда и направлялись. Видимо, где-то в городе у них казармы.

Закончив изучение моста, я стал разглядывать город. С моего места он просматривался не весь, но по примерным прикидкам, жителей было тысяч пятьдесят, не меньше. Высоток нет, максимум пятиэтажки, но вдаль виднелись корпуса какого-то завода и железнодорожная станция. В центре высотные дома, по окраинам раскинулись частные подворья. До ближайшей улицы метров триста. Железная дорога пробегала по окраине городка, к счастью как раз с моей стороны. На дороге не сказать что было пусто: пока я хмурил в размышлениях лоб, из города и в город проехало десятка два жителей, кто на автобусе, кто в кузове грузовика, кто на телеге, пяток так вообще на велосипедах. Военных не было, все гражданские, город явно жил по мирному времени, похоже, войны ещё нет.

Пока я не определился, подойдёт мне это или нет. Цели я достиг: всё, что мне нужно, можно получить в этом городе. Конечно, можно ограбить и допросить обычного жителя, но оставлять свидетелей мне претило, диверсантская жилка грызла, поэтому требовались языки из той среды, которую не жаль уничтожить. Всё правильно, я о социальных элементах, то есть о бандитах, ворах и урках. Это идеальный путь вжив-

ления в здешнюю жизнь. Местные власти обо мне в этом случае ещё до-о-олго не узнают. Заодно выясню, где нахожусь и в каком времени. Правда, об альтернативном варианте я тоже помнил: когда вешаешь на себя всех собак и смотришь, кто первым прибежит на шум полюбопытствовать.

Вечерело быстро, но ждать я не стал. Дело в том, что мне было видно несколько десятков участков с задней стороны частных домов. Во многих были натянуты веревки для белья, и только на двух из них что-то сушилось. Они-то меня и заинтересовали.

Между опушкой и лесом проходил овраг, над ним был проложен деревянный автомобильный мост, на другой стороне стояли уже крайние дома. Оставив недоеденную змею на опушке, я по-пластунски прополз через овраг и заскользил к штакетнику забора. Гремя ведром, по тропинке пробежали в сторону реки трое мальчишек с удочками на плече, однако меня не заметили. Переметнувшись через тропинку – тут местность открытая, – я перемахнул через забор и упал между невысокими кустами картошки и пополз дальше. В двух соседних огородах возились хозяйки, но меня они не засекли.

Оставив поле с картошкой позади, я прополз мимо грядок с капустой и, вскочив, одним рывком добрался до сарая: между ним и домом и были натянуты верёвки с бельём. С этой стороны дома было окно, но я старался двигаться так, чтобы меня изнутри не было видно, пока сарай совсем не

скрыл меня.

Видимо, хозяева были на работе, потому как с подворья, кроме кудахтанья кур и повизгивания свиньи из сарая, ничего не было слышно, но я всё равно остерёгся, мало ли соседи разглядят и поднимут крик. К сожалению, местная хозяйка предпочитала стирать постельное бельё и занавески – именно так я подумал, разглядывая то, что висело на верёвках, но всё же одежда была. В основном детская, но это и понятно, дети больше пачкаются, однако и взрослая тоже. Судя по платицам и штанам, в семье было двое детей, мальчик и девочка, однако меня больше привлекла рубаха. Простая, серого цвета мужская рубаха, которая давно высохла. Сняв её с верёвки и сложив в тюк, я так же быстро покинул территорию этого подворья. Следующий участок с бельём находился через четыре двора.

Народу стало прибавляться: вечер, люди с работы идут, – поэтому проникнуть на второе подворье я не рискнул. Но кое-что удалось взять, и то хлеб. Я заметил, что многие направляются к речке, и только досадливо скривился. Стоило так рисковать, когда можно просто позаимствовать одежду у купальщиков! Правда, и рубаха может пригодиться, сэкономит мне время.

Направлялся я к речке по дну небольшого оврага, с мой рост глубиной. Шагал уверенно: накинутая рубаха была мне до середины бёдер. Не особо скрываясь, я вышел к местному пляжу. Часть его была песчаной, часть земляной, как осталь-

ной берег. Семьи располагались в основном на песке, на полотенцах или покрывалах, а молодёжь устраивалась кто где. Присев в тени кустарника, я внимательно наблюдал за пляжем, выбирая цели. Братья я решил с миру по ниточке, так сказать. С кого штаны, с кого обувь или головной убор.

Кстати, оказалось, мост вообще не имел охраны, те, кого я принял за часовых, были ремонтниками, что проверяли мост. Они и теперь выправляли что-то кувалдами. Железная дорога не сказать что была пуста. Когда я занимался рубашкой, шныряя между грядками, в город заполз поезд, постоял на вокзале и ушёл дальше. Судя по солнцу, на запад. И только сейчас, пока я сидел в тени кустарника, прошла открытая дрезина с тремя пассажирами, следом за ушедшим поездом. Она была на механическом ходу: слышался перестук бензинового движка.

В это время моё внимание привлекла группа парней лет пятнадцати, что вышли к берегу и стали раздеваться, весело гомоня. Одежду они развешивали на ветках кустарника. Судя по следам, эти ветки часто использовались как вешалки. Почти у всех – чёрные боксёрские трусы, лишь у двоих настоящее бельё было светлым, но той же формы. Белые майки были у всех.

Меня порадовало, что кустарник находился всего в пятидесяти метрах от точки моего наблюдения. Поэтому я с усмешкой посмотрел, как с криками и гиканьем молодёжь полезла в воду. Кто они, не знаю: или школьники, или

студенты одного из местных техникумов. Я, кстати, до сих пор не выяснил, где нахожусь, никакого указателя на дороге и в помине не было, так что разведка продолжалась.

Когда парни полностью погрузились в водные игры – одни наперегонки рванули к противоположному берегу, другие с интересом за ними наблюдали, – я встал, отряхнул ноги от налипшей листвы и другого мусора, после чего неторопливо направился к нужному кустарнику, переступая через одежду или покрывала других отдыхающих.

Ещё когда парни раздевались, я прикинул и заметил, где лежит одежда мне по размеру, поэтому знал, что брать. Шёл спокойно, рубаха позволяла мне гулять, укрывая достаточно от нескромных взглядов отдыхающих. Подойдя к кустарнику, я присел в его тени и стал примерять обувь по ноге. Это единственное, что мне издали не удалось прикинуть по размеру. Дальше просто: аккуратно снял с ветки чёрные штаны, оставив рубаху и кепку, натянул их, застегнул ремень и, закатав штанины до колен, с обувью в руках неторопливо направился по тропинке к ближайшей улице. На меня так никто и не посмотрел, большая часть отдыхающих была в воде. Мне, кстати, тоже не помешает окунуться, но позже. Не тут.

Свернул на улицу, я тут же присел и надел обувь – это были полуботинки на шнуровке. Раскатав штанины и заправил рубаху внутрь – и превратился из отдыхающего в простого советского паренька.

Я зашагал в сторону железнодорожной станции. Деньги

были, хотя и не много: я успел пошарить по всем ближайшим карманам. Нашёл, в основном мелочью, шесть рублей, или семь – не до подсчёта было.

Как я уже говорил, станция находилась с этой стороны городка, поэтому добрался до места я быстро. Первая неожиданность: город назывался Серпухов. Оказалось, всё это время я находился под Москвой. Тут до столицы всего ничего. Пройдя мимо касс, я подошёл к стенду со свежими газетами и первым делом изучил заголовки с датами.

Прелестно, просто прелестно. Содержание газет меня не заинтересовало, я пока плохо ориентировался в местной жизни. Главное, я узнал дату: на части газет было тринадцатое число, но у трети уже четырнадцатое. Думаю, сегодня именно четырнадцатое.

– Восемь дней до войны, – пробормотал я, отходя от стенда.

Теперь появилось время уже более детально осмотреться в здании вокзала. Народу хватало, всё же в городе более десяти тысяч населения. Даже сотрудник милиции был в синих галифе и белой гимнастёрке. Сержант, судя по треугольникам в петлицах. Я насчитал в здании человек двадцать, и снаружи почти столько же.

В кассах открыто было одно окошко из двух. Я встал в небольшую очередь. Бумажка с расценками на билеты висела у окошка кассы, поэтому, пока двигалась очередь, я успел ее изучить. До Москвы проезд стоил всего рубль

шестьдесят копеек. Побренчав мелочью в кармане, я сообщил пожилой кассирше, куда собираюсь, узнал, что ближайшая *электричка* будет только через два часа, купил билет и, убрав жёсткий картонный квадратик в карман рубахи, вышел на улицу. Я решил немного подкупить запасов еды на дорогу у бабулек. Змея, конечно, хорошо, но пирожки лучше.

Я был чист лицом, хотя и не купался: ополоснулся в бадье для полива в огороде, где позаимствовал рубаху, так что ходил я спокойно.

Бабулек – а торговали в основном женщины, лишь один дед притулился с краю – было не больше десятка. И сидели они не зря: подходили к ним купить то одно, то другое. Я тоже подошёл. Мне раньше казалось, что в этом времени их должны гонять, но нет, спокойно торгуют. В основном тем, что с огорода, но были и простые вещи из обихода: дед, например, сидел на самодельном раскладном стульчике у открытого чемодана. Там не было еды, только то, что пригодится в дороге. Бывает же, что-то нужное забудешь, вот он такой мелочью всякой и торговал. Ну, это и понятно, старикан молодец, видимо, изучил конъюнктуру, ничего лишнего не таскал, зато все необходимое проезжим имелось. Кстати, в город как раз вползал очередной пассажирский поезд, и шёл он как раз на Москву, но мой-то позже будет.

– Здорово, дед, – весело поздоровался я, присаживаясь перед лоточником на корточки и обегая взглядом многочис-

ленную мелочь, сложенную в чемодане.

— И тебе поздорову, — с интересом посмотрел тот на меня из-под кустистых бровей.

— Московский? — с интересом кивнул я на подходивший к перрону поезд.

— С Тулы идёт, — согласился тот, внимательно наблюдая, как я откладываю в сторону заинтересовавшие меня вещи.

А отобрал я в сторону действительно нужные вещи. Первым делом перочинный нож с отличным, остро заточенным лезвием, потом бумажную вытянутую коробку с новенькой, не пользованной зубной щёткой, круглую жестяную коробку зубного порошка, расчёску и небольшое карманное зеркальце.

— Сколько? — указал я на отложенное.

— Три рубля, — быстро сказал тот.

— Рупь, — покачал я головой, заодно поглядывая вокруг.

— Мало, два восемьдесят...

Мы медленно снижали планку, пока не остановились на двух рублях пятнадцати копейках. Думаю, не переплатил. Я распахнул по карманам покупки и направился на перрон, после чего вскочил на подножку начавшего движение поезда, показав проводнице квадратик билета. И та пропустила меня. Ждать свой поезд я не хотел, решил направиться в Москву на этом. Пантомима с предъявлением билета помогла, та, даже не взглянув на него, пропустила меня в плацкартный вагон, куда я и метил.

Ошибка в том, что я сел не на тот поезд, выяснилась через десять минут, но состав уже набирал скорость на окраине Серпухова, и проводница с глухой руганью все-таки устроила меня на свободное место. Чая, естественно, не предложила. Жаль, что я не успел купить пирожков, зато покупки были стоящие, ими топырились карманы моих брюк и рубахи.

Откинувшись на спинку сиденья у окна, я бездумно смотрел в окно. Первый этап прошёл, теперь у меня уже есть возможность осмыслить дальнейшие шаги. Направиться к Сталину? Я что, на идиота похож? Нет уж, повторяюсь, хватит с меня встреч с местными правителями. Так что остаётся одно – у меня по телу пробежала дрожь предвкушения – во-евать. Да-да, я собирался несколько дней погулять по ещё мирной Москве, а уж после двинуть к границе. Думаю, за пару дней успею добраться – как раз к началу войны. Посмотрим, действительно ли птенцы Геринга расстреливали пассажирские поезда. Я столько читал об этом времени всяких фантастических книг, что хотелось увидеть своими глазами.

Планы у меня были просты. Я, конечно, ещё та сволочь, но всё же помочь местному руководству хотелось. Так что в Москве у меня стояло две задачи: подготовиться к войне, то есть оснаститься и создать пару лежбищ в столице, ну и написать, как это ни странно, Сталину письмо на предмет возможного будущего. Встречаться я не желал, а написать было можно, душа требовала хоть так помочь нашим. Это, конечно же, наметки, но пока я буду им следовать.

Я устроился на полке и размышлял, разглядывая пейзаж за окном. Судя по часам на вокзале в Серпухове, был седьмой час, надеюсь, к восьми мы до Москвы доберёмся.

Я ошибся. Это чудо местных конструкторов ползло к столице все два часа, уже солнце начало закатываться, когда поезд, наконец, встал у перрона. Получается, что если бы я сел на свой поезд, то прибыл бы в Москву уже ночью? Весело.

На вокзале я с интересом крутил головой. Мне нужны были местные карманники, чтобы начать работу повышения своего благосостояния сразу же. Времени на разведку местной территории не было, поэтому я собирался импровизировать. Проще говоря, найти карманников, определить старшего и отследить его до малины. Там уж разберусь.

Часы на вокзале показывали без десяти девять. Было достаточно светло. Однако, жуя в стороне кусок ватрушки, купленной в привокзальном буфете, я за десять минут наблюдения не засёк ни одного карманника. Или они тут не работали, или их здесь повывели как вид, в чём я сомневался. Если бы они были, я бы их засёк, меня этому учили ещё в спецшколе. Ментов и военных хватало, однако я на них мало обращал внимания, но фиксировал боковым зрением перемещение людей на площади. Ну не видел я карманников, и всё тут! Вполне возможно, они раньше прекратили работу и уже отдыхали.

День терять не хотелось, но пришлось. Закончив с ва-

трушкой, я допил чай, отнёс стакан буфетчице и, покинув Курский вокзал, направился в сторону одной из улиц. Пока я был сыт, одет-обут, а дальше посмотрим. Вскочив на подножку проезжающего мимо трамвая, я покатил в центр Москвы.

Искать место для постоя я не стал: зачем платить, когда есть готовое. Нет, я не про гостиницы и съёмные квартиры, тем более найти нормальное место – очень трудная задача, Москва переполнена. Просто я решил воспользоваться опытом из прошлой жизни. Аккуратно вскрыл замок детского сада, там даже сигнализации не было, и, совместив четыре кровати, накидал подушек и направился в санузел. Там я не только сделал все свои дела, проигнорировав детские горшки, но и полностью помылся, не забыв причесаться и почистить зубы купленной щёткой. Жаль, у старика полотенца не было, закончились. Пришлось воспользоваться местными. После водных процедур под раковиной я прошёл в зал и устроился поперек на кроватях и уснул.

Внутренние часы разбудили меня ранним утром – с моим-то опытом это было не трудно... Я быстро умылся, почистил зубы и, поставив кровати как были, покинул садик. Было шесть часов, но я надеялся, что колхозный рынок уже открылся. Если нет, то, пока добираюсь, заработает. Главное, узнать, где он находится. Ничего, язык до Киева доведёт, спрошу у прохожих.

Так и поступив, я сел на нужный трамвай и после двух пересадок оказался на месте. Полчаса, и я у ворот колхозного рынка. Тот уже работал: воскресенье пятнадцатого июня – самый, можно сказать, рабочий день. Трамвай, несмотря на раннее время и выходной, был переполнен, и меня прижали к одной фигуристой, но некрасивой девице, причём так, что я прижимался к ее спине и просто не мог не отреагировать на ягодичы, что тёрлись о мои брюки. Та почувствовала, что что-то не так, но что именно, сообразила не сразу, смущенно захихикала и, покраснев, пыталась отодвинуться, да куда там, от её возни он ещё больше встал. Так она и ехала с красным, как помидор, лицом, изредка смущенно хихикая под мою широкую улыбку. Двигая бёдрами, чтобы отодвинуться от меня, она меня так завела, что пришлось принять некоторые меры, чтобы ничего не было видно, когда я покидал трамвай, ну и попку её потискал, деваться ей всё равно некуда было, да и мне нужно было получить компенсацию за все её действия. Была мысль, прямо там стоя её и обиходить, но похоже, девица была на грани смущения и могла поднять крик. Да и не было у меня опыта иметь девушек в общественном транспорте, когда тебя стиснули со всех сторон. До её довольно крупной груди я так и не дотянулся, другому мужику повезло. Она, стараясь отодвинуться от того, что упиралось ей в ягодичы, затыркала грудями в спину мужика. Он как раз выходил со мной, и на остановке платком вытирал пот на лбу, хотя было не так уж и жарко, да и со штанами

у него был непорядок. Вот девица молодец, двух мужиков довела до... в общем та ещё оторва, похоже, хотя и строит из себя невинную овечку. Правда, судя по её виду, это был последний раз, когда она едет в переполненном трамвае.

Заходить на территорию рынка я не стал. Хотя продавцы и покупатели уже гомонили, но собрались ещё немногие. Покидая подножку трамвая – пятак всего за проезд, – я заметил точку общепита с открытыми дверями, и теперь направился к ней. Я уже пришел в порядок и неторопливо шагал, поглядывая вокруг. Второй мужик, облагодетельствованный девицей, посидел на остановке и лишь потом куда-то двинул.

Столовая обслуживала рабочих ближайшей фабрики, поэтому открывалась уже в шесть утра и готовых блюд уже хватало. Зал был плотно заполнен, несмотря на выходной. Я сделал заказ и занял место за столиком. Стульев не было, предполагалось есть стоя, как в пивнушках. За моим столиком уже питались двое, они были не против компании. Судя по виду, фабричные работники, обоим лет по тридцать.

Плотно наесться я не собирался, предстояла серьезная работа, но лёгкий завтрак для поддержания сил был необходим. Именно поэтому я заказал бутерброды с колбасой и сладкий чай. Официанток тут не было, полное самообслуживание, поэтому когда мой заказ был готов, я сходил за ним и вернулся за столик. Неторопливо завтракая, из-под длинных ресниц я разглядывал контингент вокруг. В основном тут действительно были рабочие – видимо, сегодняшняя

смена на фабрике. Остальные – кто местные, кто с рынка зашёл. Ничего интересного, люди как люди, и я из их круга не выбивался. Держался как все.

Во время еды я размышлял: пора приниматься за дело – ещё ничего не предпринял, а в карманах уже шаром покати, остался всего рубль с мелочью. Нужно найти карманников, дожждаться, когда они пополнят свою кассу, и аккуратно отобрать её у них. По возможности ещё, если повезёт, ствол отобрать. Если будет, конечно. Обычно они с ножами ходят. В принципе, оружие мне особо не нужно, у границы будет достаточно возможностей добыть его, а вот нож, особенно с хорошим балансом, нужен позарез. С перочинным я, конечно, тоже серьёзный противник, но нужен именно боевой нож, та же боевая финка подойдёт, главное, чтобы её знающий мастер делал.

Пока я завтракал, за соседним столом четверо рабочих с фабрики начали спорить, будет война или нет. Остальной словесный мусор я пропускал мимо ушей, а тут заинтересовался, как и остальные посетители. Хотя время скоротал, слушая этих спорщиков. Один говорил, что войны точно не будет, пакт подписан, другой твердил, что немцам верить нельзя, чем вызывал у меня одобрителное кивание.

Чем закончился спор, я не дослушал, так как уже позавтракал – видимо, спор продлится долго. Сдав посуду в приёмное окно, я покинул помещение общепита и направился ко входу на рынок – до ворот метров сто всего: перейти ули-

цу, пересечь трамвайные пути, и всё, ты у входа.

Дальше я просто гулял по рядам, поглядывая на товары, выставленные на продажу, и прикидывая на будущее, что брать, а главное, искал карманников. Повезло мне через час, я засёк тринадцатилетнего карманника, правда, быстро выяснилось, что работал тот без команды, детдомовский, видимо, на себя шакалил. Вот в следующий раз действительно повезло, заметил уже спаянную команду. Работали те любо-дорого посмотреть. Шесть наблюдателей ищут жирных клиентов, и трое парней непосредственно работают. Потом они передавали украденное одному из наблюдателей, и тот доставлял ценные вещи и деньги старшему. Но держал тот всё награбленное не на себе, а в школьной сумке десятилетнего парнишки, что ходил за ним по пятам. Умный сукин сын, ментам его взять было не на чем, а пацан по возрасту не подсуден. Уверен, что у старшего и ножа при себе нет.

Я прикидывал свои дальнейшие действия, поглядывая за старшим со стороны. Нашёл я его сразу. Вернее, меня к нему почти сразу привели. Дело-то простое: как только был взят пухлый кошель у мужичка в чиновничьем френче, то один из наблюдателей доставил добычу старшему, и меня к нему привёл. Дальше карманники меня не интересовали, я контролировал их главу. При этом я заметил двух громил, видимо это были боевики для силовой акции, на случай, если что пойдёт не так. Говорю же, всё продумано у местных.

Долго ждать не пришлось, уже к полудню старшой в со-

провождении пацана направился к выходу, чтобы скинуть взятый хабар в схрон. Остальные карманники рассосались, видимо на сегодня они отработали. Боевики вот не ушли, а со стороны сопровождали своего старшего. Малина и схрон меня, конечно же, тоже интересовали, поэтому я не стал их брать сразу, хотя улочка, куда свернули воры, была практически пуста. Выходной, кто на пляже, кто на огороде, тем более солнце жарило очень прилично.

Всё же воры были не так и плохи, даже проверялись от возможности слежки, но делали это несколько топорно. Сорок минут путешествий по узким улочкам старого города, и мы вышли к пятиэтажке из красного кирпича. В один из подъездов и шмыгнули старшой с пацаном, боевики остались снаружи, только закурили, переговариваясь. Дворик был пуст, и лавочки пусты, и территория. Время обеденное, все по домам разошлись.

Когда из подъезда выскочил паренёк, что таскал сумку с награбленным, правда уже без неё, и направился в сторону проулка, я последовал за ним. Пять этажей, в какую квартиру зашёл старшой, я не знал, так что нужно получить сведения, и паренёк на это подходил как никто другой. Я, конечно, детей не любил пытать, да и не собирался, думаю, пары щелбанов хватит, так что двинул следом.

Догнал я его быстро, осмотрелся и, вырубив одним лёгким ударом по затылку, затащил в густые кусты. На моё счастье, кто-то из дворовых детей тут сделал шалаш, и тот был

пуст. Устроив внутри пацана, я быстро привёл его в чувство и задал первый вопрос. Я был готов в мгновение заткнуть парню рот, если он попытается закричать. Обыск ничего мне не дал, кроме мелочи и большого ключа, видимо от замка дома или квартиры, где он жил, в карманах было пусто.

Молчать тот не стал. Как только я взял в щепотку его кожу на ноге, чтобы сделать гусиный укус, он, размазывая слёзы и сопли, выложил всё как на духу. К счастью, паренёк оказался приметливым, поэтому о двух схронах в квартире он знал. Квартира была на третьем этаже, крайняя справа. Не верить ему у меня причин не было. Его учили противодействовать милиции, убеждая, что те ему ничего не сделают, даже бить не имеют права. В принципе, правильно говорили, но я-то не милиция – я страшным голосом сообщил, что с ним сделаю и куда расчленённое тело дену, вот он и поплыл. Так что в достоверности сведений я был уверен, осталось только провести акцию. К тому же парень сообщил, что в квартире были трое: его старший брат, тот самый старшой у карманников, глава местной колды, которому подчинён со своей шайкой его брат, ну и подручный главы. А гоблины – ну, боевики, что их сопровождали со стороны – уже должны были уйти: им не давали из окна отмашку подняться.

Вырубив воришку, причём надолго, я выбрался из зарослей и направился к нужному дому. Я не опасался, что пацанчик меня опознает в будущем: вырубил я его со спины и завязал глаза, так что он только слышал мой голос. Шансов

найти меня у местных воров не будет.

Гоблинов, как и ожидалось, не было, зато народ вышел на прогулку после обеда. Они мне не мешали, поэтому я спокойно поднялся на третий этаж, проверил замки и, достав перочинный ножик, просто отжал язычок замка и приоткрыл дверь. Беспечность бандитов меня не удивила, я знал о внутренней цепочке, поэтому сквозь щель осмотрел коридор. Тот был пуст. Просунув руку, я с некоторым трудом открыл цепочку. Думаю, будь моя рука чуть толще, вряд ли бы и у меня это получилось. Второй вариант – рывком порвать её – был у меня в запасе, но к счастью, шуметь не пришлось.

Торопливо прикрыв дверь – сверху кто-то спускался, судя по шагам, немалого веса, – я снова накинул цепочку и, прислушавшись, направился дальше. Воров я нашёл в первом же помещении. На кухне. Они обедали за большим столом, звеня ложками о дно тарелок. Судя по запаху, на первое у них был борщ. Пахло изумительно. У меня даже живот забурчал.

– Тихо, – скомандовал вор в широких штанах, тапках на босу ногу и майке, которая оставляла на виду многочисленные зоновские наколки. – Слышали?

– Нет, ничего, – после полуминутного напряжения слуха покачал головой второй, тоже с наколками. Видимо, подручный старого вора Чиж. Брат паренька был тут же.

– Вроде заурчало что-то, как кот.

Я уже успел изучить кухню, прикинул, что и как, поэтому, как только жильцы снова принялись за еду, быстрым ша-

гом вошёл на кухню и взял скалку с буфета и разделочную доску с кухонного стола у плиты. Та была хороша, из дуба да с рукояткой. Естественно, меня заметили сразу, вскочили, опрокинув посуду, но было поздно: ребром разделочной доски я ударил в висок Чижа, сразу насмерть: тот потянулся к ножу. Потом скалкой проломил голову брату паренька – этот тоже наглухо. Доской отбил выпад финки местного пахана и скалкой сломал ему руку. Куда ему со своим ножичком против профессионального фехтовальщика, который не раз в сече участвовал! Сломав разделочной доской вторую руку матерящемуся вору, я вырубил его и, осмотрев лежавшее тело, пробормотал:

– А без ускорения даже интереснее воевать.

Нужно было торопиться. Быстро обыскав тела, я сложил найденный хабар на стол: в основном мелочёвка, лишь две самодельные, неплохо изготовленные финки выбивались из всякого мусора. Конечно, сигареты меня не интересовали, но я их тоже взял, вместе со спичками и единственной зажигалкой. Серебряной, между прочим.

Связав вора его же штанами, которые я порезал на лоскутки одной из остро заточенных финок, я начал шмон квартиры. Со схронами тот паренёк не ошибся, видать, действительно смог заметить, куда прячут награбленное. Из-под половицы у шкафа я достал тяжёлый свёрток. В нем должно было быть в основном золото и серебро, но для них он был тяжеловат. Второй схрон был сделан классически: под

подоконником спальни. Квартиру, кстати, я не забыл обыскать, после чего перенёс все находки на кухню, где на столе и распотрошил все свёртки. В первом, к моему удивлению, кроме рыжья было оружие. То-то мне почудился запах оружейной смазки! В свёртке были два ТТ и наган. И боеприпас имелся. К ТТ по два запасных магазина и по двадцать патронов россыпью, оружие было в снаряжённом состоянии, к нагану – три десятка патронов. Кроме этого, в свёртке в отдельных мешочках были разные ювелирные украшения, даже два портсигара, серебряный и золотой, а уж колец не считать, даже часов шесть пар, четыре серебряных и двое золотых. Все на длинных цепочках, какие-то луковицы дореволюционные. Наручные часы у меня уже были, новенькие, снял с Чижа, поэтому я снова завернул находки в один сверток.

В другом были деньги, бумажные купюры. Ни кошель, ничего иного, лишь перетянутые бечёвкой деньги. Видимо, весь снятый карманниками хабар. Вытащив пачку разномастных денег, убрал их в карман рубахи – это на покупки. Пришлось сворачивать их, купюры были непривычно большие.

Потом я снова пробежался и нашёл в шкафу полупустой армейский ситор с какими-то тряпками. Вот туда я всё и сложил, даже свои карманы освободил, оставив лишь расчёску и зеркальце.

Вор к моему возвращению уже очнулся. Я подошёл, уда-

рил его ногой по почкам, выдернул кляп и спросил:

– Будем говорить или болезненно умирать?

– Пошёл ты, – прохрипел тот.

– Другого я и не ожидал, – хмыкнул я и, вернув кляп на место, взялся за разделочную доску.

Когда я ему начал дробить кости второй ноги, тот «вдруг» скончался. Сердце не выдержало. Однако всё же кое-что рассказать он успел. Например, о третьем схроне. Его личном.

Сдох, и ладно. Оставив его связанным на месте, я сходил в зал – квартира была трёхкомнатной – и вскрыл третий схрон. Спрятан тот действительно был хорошо, с искусством, в рояле. Там находился ещё один наган, но уже новый, муха не сидела. Он был в пушечном сале, да и патронов шестьдесят штук. Кроме оружия было пять десятков золотых царских червонцев и крупная сумма, почти такая же, что и под подоконником.

Убрав эти находки в сидор, я пробежался и стёр кухонным полотенцем все свои отпечатки – я помнил, где чего касался. Совершив уборку, я снял цепочку и, так же протерев ручки и саму дверь, запер замок. Придерживая висящий на правом плече сидор, я неспешно направился вниз.

Судя по наручным часам, было полвторого. Время ещё оставалось, поэтому я решил найти временное жильё на пару дней и закупиться на рынке. Рынок можно и на завтра перенести, а вот билет в сторону Минска я решил купить сейчас же, а то раскупят, придётся на перекладных ехать, чего

очень бы не хотелось. Нужно было отдохнуть перед началом боёв, там уже некогда будет.

Пока я уничтожал воров, конечно же, несколько капель крови попали на мои брюки, но я отстирал их. Не страшно, даже подсохнуть успели. Ничего больше из квартиры я решил не брать. Да и одежды там было не так много и всё не по размеру.

Покинув этот квартал, я осмотрелся и направился в сторону ближайшей трамвайной остановки. Язык и тут вырубил. У женщин я вызнал адрес, где можно спокойно снять комнату, и направился на трамвае в нужную сторону. Сдавали комнату в коммуналке. Дорого, но мне сойдёт, главное, вся комната моя. В Москве действительно острый дефицит жилплощади, и сдавали ее за бешеные деньги.

Подсказавшая адрес женщина жила в той самой коммуналке и дала адрес хозяйки. Та на лето переехала к дочке на окраину столицы, помогала с огородом, и на это время сдавала свою комнату. Мне вполне подходило. Правда, хозяйка хотела сдать на длительное время, а я собирался задержаться лишь на несколько дней, но думаю, договоримся, тем более комната у неё пустует вот уже неделю. Больно уж цену она загнула.

Так и получилось. Хозяйка недолго думала, сообщила цену, с которой я, после недолгого торга, согласился, и мы от дома дочки направились в центр – оказалось, комната находилась в центре столицы.

Дальше меня познакомили с жильцами, из-за выходного дня большая часть была дома, и вручили ключ. Комната была двадцать квадратов – довольно приличный размер. Шкаф, панцирная кровать, стол, радиоприёмник, буфет и небольшой ковёр на стене – вот и всё, что нажила хозяйка. Постельное бельё она мне застелила, так что можно было жить. Показала, где можно хранить продукты, пыталась объяснить очерёдность готовки на кухне, но я сказал, что питаться буду не дома. Плату за неделю вперёд я ей вручил, хотя собирался прожить тут меньше, так что вернулась к дочке она довольная. Я же убрал сидор в шкаф, проверил, всё ли при мне, запер комнату и направился к ближайшей трамвайной остановке. Меня интересовал Белорусский вокзал.

В том, что я снова стал четырнадцатилетним, были свои плюсы и минусы, хозяйка комнаты долго расспрашивала, что я делаю один в Москве. Ей солгал, что готовлюсь к вступительным экзаменам в техникум. А вот кассирша на вокзале была упрямее, всё не соглашалась продать билет на Минск, мол, я ещё молод и должен ездить с сопровождающими. Пришлось пойти на хитрость: сказал, что родители в санатории, а я еду к бабушке в Берёза-Картузск, что находится между Брестом и Минском. Она немного поколечуряжилась, но всё же продала мне билет на поезд, который отходил девятнадцатого вечером. Прибыть к месту назначения я должен был двадцать второго в девять утра. Вот такие дела.

После я до темноты гулял по городу. Заходя в магазины

и небольшие кафе – в общем, до самого вечера рассматривал город. Тот действительно был красив.

Вернувшись к себе, я достал из небольшой сумки с наплечным ремнём толстую тетрадь и конверты – письменные принадлежности также имелись – и приступил к написанию письма Сталину. Сумку я купил в одном магазине, хотя правильнее её было назвать котомкой, но пригодилась, удобная штука, пойдёт в комплекте с сидором. Как я заметил, такие сумки у прохожих были обычным делом.

Писал до полуночи за столом при свете ночника. Потом посетил туалет, почистил зубы в общей ванной, – полотенце мне дала хозяйка комнаты, хотя пора и своим обзаводиться – разделся и лёг спать. Обнажённым лёг, нижнего белья у меня не было. Завтра на рынок, многое прикупить надо, так что дел хватит. Ну, а вечером снова гулять по Москве и писать письма. Думаю, конвертов на пять напишу. Лишь бы рука не устала, но думаю, не устанет.

* * *

Паровоз свистнул, проходя очередной небольшой полустанок. Я открыл глаза и сел. Полка была верхняя, поэтому двигался я осторожно. Мягко спрыгнув на пол купе, я посмотрел на тушу капитана-артиллериста на нижней полке, что выдыхала во сне устойчивый запах перегара, и потряс за плечо женщину, спавшую с четырёхлетней девочкой с моей

стороны.

– Что? – спросила та, открыв глаза.

– Одевайтесь, сейчас нас бомбить будут, – посоветовал я ей и начал быстро одеваться. При этом будил агронома с полки над капитаном. Не сказать что поезд был переполнен, но свободных мест практически не было.

Честно говоря, попутчики меня не поняли. Хлопали растерянно глазами на то, как я быстро надеваю штаны, рубаху, наматываю портянки и вбиваю ноги в крепкие командирские сапоги. Когда я стал доставать с багажной полки сидор, котомку и куртку с кепкой, прозвучал первый вопрос.

– Чего бомбить? – спросил командировочный-агроном, возвращавшийся в свой колхоз из Москвы. Как ни странно, все мои попутчики ехали от самой Москвы, так что за трое суток мы плотно познакомились.

– Я говорю, началась война, сейчас немецкие лётчики будут бомбить наш поезд, – мельком посмотрев на наручные часы, снова пояснил я.

Стрелки на часах показывали полпятого, так что время у нас ещё было. Барановичи мы покинули пару часов назад и удалились километров на пятьдесят, немцы же больше часа используют авиацию, но скоро и до нас доберутся. У них вроде специально для этого группы самолётов выделены, чтобы атаковать транспортные магистрали, включая железную дорогу. Только мосты им трогать запретили.

Накинув куртку, я поправил кепку и посмотрел на лишь

сейчас проснувшегося капитана.

— Что за кипеж? — принимая сидячее положение и обводя купе налитыми кровью глазами, прохрипел он.

— Вот, Артур говорит, что война началась, сейчас наш поезд бомбить будут, — со смехом пояснил агроном, он первый пришёл в себя.

— А, юмор, уважаю юмор, — буркнул капитан, снова улёгся и захрапел.

В отличие от агронома, Юля, мать девочки, быстро одевала дочку. Вот она мне поверила, не знаю почему, может, материнское чутьё подсказало. Всё сделаю, а этих двоих я вытащу.

Теперь я обращаюсь в основном к Юлии:

— Как загрохочут бомбы и поезд остановится, если не слетит с рельсов, сразу бегите прочь от него. Хотя бы на полкилометра, потом просто ложитесь на землю и дожидаетесь, пока немцы не улетят. К поезду не возвращайтесь, идите к ближайшей дороге. Документы держите при себе.

Агроном, в отличие от капитана, не стал продолжать прерванный сон, а с интересом следил за нами. Оставив вещи в купе, я сбегал в туалет по-маленькому. Проводница спала, но я всё равно поднял её. Она так же сонно хлопала ресницами, когда я сообщил, что нас скоро будут бомбить. Я велел принести в наше купе чай на троих, можно с печеньем. Печенья желательно побольше, лучше всё, что есть в наличии. Я знал, что проводница им приторговывает.

Когда я вернулся в купе, агроном уже одевался. Я занял полку Юлии и надел котомку. А сидор поставил рядом у стенки со стороны коридора. У окна устроилась девочка Дина. Недовольная проводница принесла чаю, агроном сразу заказал для себя – я брал только нам с Юлией и Диной. Также я принял два пакета печенья. Один убрал в котомку, хотя та и так была переполнена настолько, что топырилась, другой передал Юлии, велев убрать в сумку. Мол, пригодится в будущем. За всё уплатил я. Потом пили чай, соседи спокойно, я же напряжённо прислушивался к каждому звуку.

– Самолётики, – указала Дина пальчиком в окно. Там уже давно рассвело, поэтому отчётливо виднелась стайка самолётов.

– Минск бомбить полетели, – сказал я.

– Что за чушь, это же наши! – возмутился агроном и снова разбудил капитана.

– Ошибаешься, – хмыкнул я. – Это немецкие бомбардировщики.

Все попутчики чуть не расплющили носы о стекло, разглядывая чужие самолёты.

– Не припомню я у наших соколов машины с такими силуэтами, – капитан озадаченно отстранился от стекла.

В это время раздался грохот, и состав содрогнулся, вставая дыбом. Я-то ладно, подготовился: опёрся ногами о противоположную полку, – и удар перенёс нормально, вот другие полетели вверх тормашками. Говорил же, приготовьтесь,

несколько раз повторил, нет, не верили. Взрослым я не помогал, а вот Дину попридержал, чтобы её остальные не раздавили. Едва успел.

Как только вагон замер, причём как-то скособочившись, я вскочил, закинул за спину сидор, поправил лямки и рывкнул:

– Чего стоите, быстро из вагона, пока они на второй заход идут! – и первым рванул из купе, таща ревущую от испуга девочку на руках. За мной следом, пошатываясь, побежала Юлия, не забыв прихватить свою сумку со всеми документами. Ага, видать, не зря я ей вдалбливал, чтобы не забыла ее в горячке бомбёжки.

Дверь в тамбуре была открыта, из нашего вагона убежали прочь проводница и несколько пассажиров. Нам ещё повезло, сутолоки не было. Многие просто не понимали, что случилось. А проводница молодец, быстро среагировала. Спрыгнув на насыпь, я поставил Дину на землю и развернулся, помогая Юлии спуститься. На ее лбу была ссадина, лицо в крови: видимо, кто-то из попутчиков заехал, или сама обо что-то ударилась.

– Как ты? – я поставил ее на землю, и мы втроем побежали в чистое поле.

Ни одной рощи вблизи я не заметил. Кстати, вагон передней парой действительно сошёл с рельс, перед ним нагромождение двух мятых вагонов, большая воронка и... уходящий вдаль поезд. Видимо, бомба попала в середину состава,

наш вагон был предпоследним, поезд рванул дальше, а мы остались. Три вагона на рельсах и три вагона в виде груды железа. Один начал гореть, до нас сквозь шум моторов возвращающихся самолётов доносились крики и вой заживо сгорающих людей.

– Грудь болит и лицо, – ответила Юлия и поморщилась.

Бежала она, уцепившись сзади за мою куртку, и ее болтало в разные стороны. Ничего, это нормально, стресс и испуг, да ещё придавили. Пройдёт.

– Ничего, отбежим подальше, посмотрю, что там у тебя.

Быстро осмотревшись, я снизил скорость и перешёл на шаг, спуская Дину с рук.

– Что случилось? – тут же спросила её мать.

– Всё нормально. Это, оказывается, бомбардировщики были, а не штурмовики, вот те твари опасные... Ложимся! – скомандовал я и первым рухнул на землю, закрыв собой снова захныкавшую Дину: третий бомбардировщик повторно заходил на цель. Мы удалились от вагонов метров на четыреста. Я мысленно прикинул расстояние, разлёт осколков и велел ложиться. Мы вышли за зону гарантированного покрытия.

Из вагонов всё выпрыгивали и выпрыгивали люди, некоторые даже в окна лезли, да и на поле их хватало, но тут вагоны накрыло градом бомб, кажется, это были сотки, и всё потонуло в грохоте разрывов. Теперь не было слышно ни криков людей, ни воя бомбардировщика. Я сбросил с себя

Юлию и поднялся. Та зашевелилась, потом бросилась к дочке. Я же осмотрелся, прочищая уши. Грохнуло знатно, но, к счастью, меня не сильно оглушило, я заранее по привычке открыл рот. Слух вернулся быстро, вместе с рёвом моторов удаляющегося бомбардировщика и криками людей, но уже не такими многоголосыми – погибших было много.

Как оказалось, это было ещё не всё. Бомбардировщик разнёс остатки вагонов и разворачивался для повторного захода. Он, конечно, не штурмовик и пушек не имеет, но прочесать из пулемётов поле в состоянии, чем явно собирался заняться.

– Тварь, – с ненавистью прошипел я. – Видишь же, что тут гражданские, это не воинский эшелон.

Конечно, в вагонах военных хватало, я бы даже сказал, их была почти половина, но всё же это беспредел.

– Бежим? – испуганно спросила Юля.

– Нет, – покачал я головой, пристально отслеживая все движения бомбардировщика. – Он не на нас заходит. Левее. Если побегим, как раз под очередь попадём.

Я с безразличием посмотрел, как мимо пронёсся агроном из нашего купе с выпученными от ужаса глазами, и как он упал изломанной куклой под длинной очередью немца. На земле поднялся ряд фонтанчиков буквально метрах в тридцати от нас. Я не ошибся, очередь прошла в стороне.

– Всё-таки Бог скотина, раз лишил меня моих умений. Лечить я теперь не могу, – пробормотал я, оглядываясь.

Раненых было не просто много, а множество, они корчились на земле, слышались крики и стоны. Самое страшное, было несколько детей, вот на них даже я смотреть не мог. Помочь я им ничем не мог, но виноватым в этом себя не чувствовал. Виновен был тот, кто лишил меня силы лечить людей. Чтобы ему там икалось наверху.

– Вот теперь бежим, – подняв Юлю под локоть, я помог ей бежать, не забыв подхватить Дину. Не успели мы отбежать метров на триста, как бомбардировщик пошёл на третий заход. Причём прямо на нас.

Развернувшись, я потянул попутчиков за собой, мы успели выйти из-под обстрела, и досталось основной массе беженцев. После этого бомбардировщик повернул к своим, медленно набирая скорость.

– Номер тридцать семь, я запомнил тебя, мразь, – зло прошипел я, провожая немца глазами.

– Что теперь будет? – устало спросила Юля.

– Вы сейчас идёте за мной к дороге, после чего возвращаетесь к Минску, садитесь на ближайший поезд и двигаетесь в Москву. Ее немец не возьмёт. Нигде не задерживайтесь, немец быстро будет захватывать наши территории.

– Откуда ты всё это знаешь? – стараясь не глядеть вокруг, спросила Юля.

– Потому что знаю. Всё, идём. Тут много людей выжило. Вон, медики имеются, есть кому людям помочь. У тебя задача сохранить дочь, у меня другая, не менее важная.

– Тебе не страшно смотреть вокруг? Ты совершенно спокоен, – продолжала задавать вопросы Юлия.

– Да нет, для меня зрелище привычное, видал картины и похуже. Неприятно, конечно, но не критично.

Юлия плакала, а я закрывал Дине глаза рукой. Мы миновали разрубленное почти надвое тело нашей проводницы и направились дальше в поле. Тут мертвецов уже не было, только вдали виднелись спины удирающих пассажиров, которые не могли остановиться.

Отойдя от места катастрофы на полтора километра, я осмотрелся и, подмяв пяточок во ржи, велел садиться. Сняв сидор, я развязал горловину и достал флягу. У меня таких было две: стандартная красноармейская из толстого стекла и жестяная двухлитровая, лужёная, которая осталась в сидоре. В лужёной была вода, вечером залил на остановке, в этой – неразбавленный спирт.

Я вынул литровую кружку, купленную, чтобы варить чай, и плеснул на дно грамм пятьдесят, разбавил водой на глаз и протянул Юлии:

– Пей, я потом осмотрю тебя.

Та залпом опрокинула кружку и лишь поморщилась, но протянутую печёнку взяла. Поставив флягу и кружку рядом, я шлёпнул по потянувшейся к ним руке Дины – той хотелось пить, – достал бинт, отрезал финкой кусок, промокнул его в остатке жидкости на дне кружки и стал стирать кровь с лица девушки. Очистив рану, я прикинул, что заши-

вать не требуется, так зарастёт, но повязку на лоб всё же наложил, предохраняя рану от пыли и пота. Потом пощупал бок и выяснил, что переломов нет, но возможна трещина в одном из ребер. Посоветовал не напрягать этот бок. У Дины, кроме царапин, ничего не было, я так вообще не пострадал. Когда все напились из лужёной фляги – кружку я предварительно ополоснул, – я сложил все вещи на место и, не обращая внимания на удивлённый взгляд Юлии, достал пистолет и сунул его за пояс под рубаху, запасные магазины убрал в карманы брюк. Мне сейчас требовалось автоматическое оружие.

– Передохнули? – спросил я и, после ответных кивков, встал и закинул сидор за спину. – Тогда идём. Наша дорога только начинается.

На поле мы были не одни, я видел потерянно бредущих с десятков гражданских. Военных не имелось, видимо, они вернулись к остаткам поезда. Мы же довольно скоро вышли на дорогу, и я подошёл к семье с тремя детьми, которым повезло выжить, и попросил их принять в свою компанию Юлию с дочкой: они тоже возвращались в Минск.

Стоя на обочине полевой дороги, я махал Дине и Юлии, удаляющимся неспешным шагом. Естественно, я мог поделиться с бывшими попутчиками припасами и другими средствами выживания, но мне они были нужны самому, поэтому хватит и перевязки. Лишь одно я сделал без колебаний: незаметно передал девушке наган с запасом патронов. Она

жена красного командира, разберётся. Та подтвердила, что хорошо владеет этим типом оружия, хотя у её мужа был ТТ.

Как только пассажиры разгромленного поезда скрылись из виду, я развернулся на каблуках и энергично зашагал в сторону границы.

С момента моего пробуждения в поезде всё как-то времени не было рассказать, что происходило со мной за предыдущие дни, но сейчас, думаю, пора, тем более не знаю, сколько мне идти по этой дороге. Несмотря на утреннее время, прохлады не было. Сняв сидор и котомку, я расстегнул куртку, свернул её и закрепил на сидоре. Снова накинув лямки сидора и сумки на плечи, я продолжил путь. Теперь я был в одной рубашке да в майке под ней, про штаны и трусы и не говорю.

Так вот, устроившись тогда в Москве в своей комнате, я энергично взялся за дела. Первое – письма. Насочинял на восемь плотно набитых листами конвертов, подписал так: «Товарищу Сталину. Совершенно секретно. Лично в руки. Экземпляр номер один». Остальные были соответственно пронумерованы. Чтобы они не затерялись, я в каждый вложил бумажку с сообщением, сколько всего было писем и сколько пронумерованных листков в каждом. А положил их в потовый ящик здания на Лубянке – ещё и в щель пролезать не хотели, еле запихнул. Через несколько часов я покину столицу и направлюсь в сторону Минска, так что пусть ищут.

В письмах Сталину я изложил краткий курс истории до развала СССР, особенно подробно, естественно, период Отечественной войны. Ещё хотел написать, как развивалась техника, но решил оставить это на потом. И других Посредников сдал, причём сознательно. Описал, кто это такие, что означает Ось миров, ну и остальное, дал детальное описание внешнего вида и характеров двух других Посредников. Ну, Мэй-то я плохо знал, а вот Гришу описал точно и предупредил, что тот может переметнуться к немцам. Знал Гриша немного, всё-таки он больше политик, экономист, но направить немцев по правильному пути в состоянии. Русских он ненавидит. Надеюсь, информация пойдёт впрок. О себе я написал так: третий Посредник, русский, на контакт не пойду, не интересуется. Вот и всё.

Набег на рынок я совершил следующим утром. Купил себе бельё в двух экземплярах из трусов и маек, широкие, очень крепкие штаны, удобные и для схваток, и для долгих дорог, думаю, лето они выдержат. Ещё взял большое полотно мягкой ткани на портянки, крепкие сапоги, причём не для форса, а реально для дорог. Рубаху новую подобрал, тёмно-серую; коричневого цвета лёгкую куртку и кепку. Вот и всё из одежды. Я же на себе её таскать собираюсь, лишнее мне без надобности. Брал только то, что долго прослужит. Теперь по остальному. Купил трёхлитровый котелок без крышки, литровую кружку, мешочки с купами, пять банок с мясными консервами, килограмм соли, смешанной

с перцем, – сам такую мешал, привык к ней, – два бруска мыла, небольшое полотенце, две фляги, и главная покупка – это новенький бинокль в чехле. Он точно пригодится, поэтому и расположил я его в котомке под рукой. Также две немаловажные вещи – это небольшой, но крепкий топорик с отличным лезвием, долго не затупится, и настоящая армейская плащ-палатка. От идеи купить палатку я в итоге отказался – тяжела, а вот плащ-палатка – самое то. Ещё набрал всякой мелочи вроде иголок с нитками, точильного бруска и средства для ухода за оружием – это прикупил из-под прилавка. Остальное добуду уже по ходу дела. Ах да, забыл упомянуть ремень – у меня был настоящий командирский.

Спустя час с того момента, как расстался с попутчиками, я присел на обочину, чтобы поменять свой обычный ремень на командирский. Заодно повесил на него красноармейскую флягу в защитном чехле. Оружие у меня было не на виду, пистолет под рубахой вместе с флягой и ремнем, сунуть руку под неё – и всё, вооружён. Собравшись, я двинул дальше, километр бегом, километр быстрым шагом для отдыха. Так и двигался несколько часов без остановок.

Естественно, я не забывал активно крутить головой. В небе висели самолёты, непонятно, свои или немецкие, бинокль в этом не помогал. Я лишь один раз с уверенностью опознал наши «ястребки»: И-16 трудно с чем-то спутать. Два звена по три самолёта ушли в сторону границы, больше я их не видел, надеюсь, они вернулись другим маршрутом. Один

раз со спины заметил поднятую пыль, и полчаса лежал в поле, укрываясь от проходившей мимо армейской моторизованной колонны. Даже танки были. «Тридцатьчетвёрок» или КВ я не рассмотрел, а вот Т-26 разглядел отчётливо, были танки и с другими силуэтами. Всего танков было немного, полтора десятка, и около полусотни набитых бойцами грузовиков. Пушки тоже были, а вот зенитки не заметил ни одной, даже счетверённых «максимов» не было.

После ухода колонны в воздухе ещё долго висела мелкая пыль. Я выбрался на дорогу и продолжил свой путь к Бресту.

Так вот, закончив в Москве с покупками, я в свободное время – а было у меня всего три дня – занялся организацией схронов. Один организовал в парке: ночью вырыл и замаскировал тайник. Там укрылась часть золота, один из ТТ с запасом патронов и деньги. Другой сделал уже за территорией Москвы, также прикопав под деревьями в парке. Там спрятал кроме драгоценностей деньги и наган, так что отправлялся на войну я с двумя единицами оружия. После щедрого подарка Юлии я остался с одним только ТТ.

Дальше прошёл процедуру обилечивания, познакомился с попутчиками. К нам, трём мужикам, подселили женщину с ребёнком, но та особо не рефлексировала по этому поводу. А то ведь есть такие, что постоянно нос задирают и смотрят на всех как на быдло. Это и была Юлия, жена старлея пограничника с фамилией Юртаев. Агроном прозывался Машиновский Андрей Викторович, а капитан Тимонин был на-

чальником штаба гаубичного дивизиона. Правда, в купе он приходил только спать – гужбанил у соседей, таких же артиллеристов.

Вот, в принципе, и всё. Конверты, надеюсь, ушли по адресу, всё же Лубянка; всё необходимое при мне, тылы обеспечил, так что можно спокойно работать.

Немцы летали регулярно, бомбили часто, я постоянно слышал взрывы, но звук канонады до меня ещё не доходил – далекоато пока что. Отсюда до границы около ста километров, думаю, доберусь к завтрашнему дню.

Впереди, буквально километрах в трёх, шестёрка немецких штурмовиков – это явно не «лаптёжники», нет характерных шасси. Очевидно, это были сто двадцать девятые «Хейнкели», что-то штурмовали в той стороне, куда я направлялся. Оттуда поднимались в небо чёрные столбы – от горевшей техники. Не думаю, что это обогнавшая меня колонна, та дальше должна была уйти, если не встала на привал, что маловероятно.

На дороге стало появляться большое количество разной техники, и, наконец, я заметил первых беженцев, торопящихся мне навстречу. Многие ехали на телегах, велосипедах или машинах. Похоже, началось. Я уже не прятался, а шёл по обочине, ловя удивлённые взгляды. Мол, куда прёшь, там же немец гремит орудиями! Впрочем, слышалась по-прежнему только постоянная бомбёжка, а не работа артиллерии. К обеду я оставил по правому плечу Берёза-Картузск и за-

шагал дальше.

На обед я задерживаться не стал, хотя уже чувствовал усталость, просто остановился на пятнадцать минут – присел, давая отдохнуть натруженным ногам, – после чего печеньем и водой из лужёной фляги утолил голод. Пока достаточно, а нормального супчику вечером сварю. Горячего хотелось.

Устроился я метрах в пятидесяти от дороги в тени дуба. Уже появились знаменитые белорусские леса, дальше виднелся тёмный массив, когда вдруг два «мессера» налетели на санитарную колонну грузовиков, что шла от фронта в тыл, и начали их расстреливать из пулемётов и пушек. При этом сбрасывали и бомбы, я слышал небольшие разрывы в начале колонны. Водители и сопровождающие бросили машины и разбежались в разные стороны, а вот раненым деваться было некуда.

– Твою мать, ушлёпки! – ругнулся я, заметив стоящий на дороге ЗИС с ДШК на зенитной треноге, и никого рядом. То ли убило, то ли сбежали. Когда массово бегут, это действует на подсознание и хочется присоединиться.

Оставив свои вещи у кустарника, я рванул к грузовику, моля Творца, чтобы пулемёт был готов к бою. Я систему ДШК знал, добрый пулемёт, приходилось таким работать, трофейным, естественно. Да и из зенитного доводилось пострелять. Хорошо я тогда проредил наркокараван боевиков, ох, хорошо, причём из их же пулемёта с вырезанного поста.

Взлетев в кузов, я мигом проверил снаряжённость. Короба были полны. Развернув тонкий ствол в сторону истребителей, что шли на второй заход, положил большие пальцы на гашетки, бормоча:

– Поближе давайте, твари, поближе.

Мне не разъедал глаза дым горевших машин, от которых доносились даже не крики, а вой сгорающих заживо раненых. Я был спокоен как удав, лишь в холодном бешенстве. Так что на минимальном расстоянии, когда «мессеры» открыли огонь, я нажал на гашетки. Передний истребитель практически сам влез на мою очередь, отчего бронебойно-зажигательные пули вспороли обшивку от кока винта до хвоста. Не выходя из пике атаки, «мессер» врезался в землю метрах в ста за моей спиной, а я уже разворачивал пулемёт и бил следом по второму, не успевая всего на мгновение. Но тот ушёл. Не думаю, что я в него попал, вёрткий, гад, да и я не профессиональный зенитчик – так, подучился слегка. Отпустив пулемёт, я посмотрел на руки – те не дрожали, хотя адреналина хватало – и присел на боковую лавку.

Расчёт этого пулемёта ругал я зря, не знаю, где водитель, дверь кабины была открыта, но расчёт из трёх человек лежал на дне изувеченного многочисленными пулевыми отверстиями и щепами кузова. Видимо, немцы с первым же заходом подавали пулемёт, уничтожив из бортового вооружения расчёт. Сейчас обратно бежали те, кто драпал от налёта, и принимались тушить горевшие машины, часть, в основном ко-

мандиры, направились ко мне. Однако дойти они не успели, хотя и пытались криками предупредить об опасности.

Чтобы убрать остатки адреналина, в короткий промежуток отдыха я делал глубокую гимнастику лёгких, однако бдительности не терял. Поэтому мгновенно подскочил к пулемёту и открыл огонь по вернувшемуся «мессеру». Тот ушёл за деревья и сделал вид, что пошёл к своим, а сам со стороны солнца атаковал именно мою машину. Мстил, тварь, за товарища.

Огонь мы открыли одновременно, оба не попали, но прицел друг другу сбили, я снова стрелял вслед уходящему истребителю и, похоже, снова не попал. Когда пулемёт вдруг стих, я понял, что боезапас подошёл к концу. Перезарядиться было можно, в кузове стояли ящики с боеприпасами, но делать я этого не собирался. Отогнал охотников от колонны, и ладно.

Сняв флягу с тела одного зенитчика – моя была со спиртом на крайний случай, – я одним махом выдул полфляги, больше там не было. Скачок адреналина вызвал жажду, и я старался удовлетворить запросы своего организма. Больше ничего в кузове я не трогал, хотя там было три мосинских карабина, но флягу прихватил с собой, лишней воды не бывает.

– Стой! – окликнул меня какой-то командир и прибавил шагу, когда я покинул кузов и направился обратно к своим вещам.

Я обернулся, терпеливо ожидая, когда тот подойдёт. Командир был в тёмно-синих галифе, вызывавших у меня в основном иронию, зелёной гимнастёрке с нашивками на рукавах и в фуражке с васильковым околышем. Я такие уже видел у здания Лубянки, чекист сто процентов. В петлицах по три кубаря – старший лейтенант или майор, если он сотрудник НКВД. Я купил книжицу современного устава, а также по званиям родов войск, так что более или менее ориентировался. Успел пролистать, пока скучал в поезде.

– Так это ты истребитель сбил? – подойдя, он неожиданно сграбастал меня в объятия и похлопал по плечам. – Ну, ты даёшь, мы уж думали, всё.

– Стрелял я, сбил тоже я, – приглушённо просипел я. – Отпусти, задавиш-ш-шь.

– Где так стрелять научился? – отстраняясь, задал он следующий вопрос.

– Отчим комполка, в полку своим считаюсь, там многому научили. А ДШК я с закрытыми глазами собираю и разбираю. Не одну сотню патронов выпустил из него на полигоне. Стреляю лучше, чем многие расчёты.

– Я заметил. Как звать-то? – с улыбкой спросил командир, наблюдая, как я кепкой вытираю мокрое от пота лицо. Жарило серьёзно, как бы тепловой удар не получить.

К нам начали подходить и другие выжившие. Где можно, потушили, где нельзя, уже всё сгорело. Раздавались команды, колонна готовилась выдвигаться дальше. Сгоревшие об-

ломки отодвигали на обочину, освобождая дорогу.

– Артур Александров. Москвич, – добавил я после секундной заминки. Казанцем лучше не представляться, а так я хоть погулял по столице.

– Отчим где служит, воюет?

– Погиб в Финскую.

– Бывает, – нахмурился тот. – Документы какие есть?

– Откуда? – искренне удивился я. Приобрести комсомольский билет не озаботился, отложил это на потом, а сейчас пригодился бы! – Мне только в декабре пятнадцать будет. Нет у меня никаких документов, даже комсомольский билет получить не успел, а вот ваших я до сих пор не видел. Можно посмотреть?

– Конечно, – кивнул тот, потянувшись к нагрудному карману.

В это время ко мне подбежали ещё с десятков бойцов и командиров, так что меня буквально захлопали, выбивая пыль из рубахи на плечах и спине. У многих в петлицах были эмблемы медслужбы, но зелёные петлицы были только у двоих: военфельдшера, как я его определил, и военврача, у того две шпалы было. Видимо, это был старший колонны.

– Сколько лет? – первым делом спросил военврач, а на ответ сморщился, как будто укусил лимон. – У меня единственная зенитка в прикрытии, и расчёт выбит, а заменить некем.

– Поставьте пулемётчиков из легкораненых на перезаряд-

ку, – пожал я плечами. – Стрелять какой-нибудь командир сможет, их этому учат.

– Спасибо тебе, парень, за помощь, – пожал мне уже болевшую от рукопожатий руку военврач, после чего скомандовал грузиться и отправляться дальше. Половину машин и раненых они потеряли, но следует доставить до госпиталя выживших.

Мне предлагали отправиться с ними, но я отказался, мест у них и так немного, все раненые занимали. Мы лишь успели пообщаться с тем старлеем, который всё же оказался майором. Он не был особистом, а служил в республиканском управлении НКГБ в Минске, тут был по каким-то своим делам и возвращался попутным транспортом, свою «эмку» он потерял ещё утром во время налёта. Документы я у него всё же посмотрел, пока он торопливо в блокнот записывал мои данные. Всё было на месте, включая следы от скрепок. Настоящий командир, не подстава. А то об этих «Бранденбургах» и «Нахтигалах» столько понаписано, поневоле остерегаться начнёшь.

Когда колонна ушла, я посмотрел на ряд обожжённых тел, от которых пахло сгоревшей человечиной – никто их закапывать не стал, сложили на обочине, оставив для похоронных команд, – и, подхватив свои вещи, – прихваченную флягу я повесил на пояс, а свою со спиртом убрал в ситор, – зашагал своим путем. Через сорок минут я наполнил флягу в чистом ручье рядом с дорогой.

Дальше дорог мне пришлось сторониться, они были плотно забиты войсками и беженцами, часто появлялись немецкие стервятники, — погибнуть там легче лёгкого, вот и шёл я лесными тропками точно к рухнувшему фронту. Даже канонаду к вечеру начал слышать. Неплохо немцы за первый день продвинулись! По моим прикидкам, до Буга оставалось порядка пятидесяти-шестидесяти километров. Карты у меня не было, но я купил учебник географии за десятый класс и воспользовался иллюстрациями, чтобы определиться на местности. До границы действительно осталось чуть больше пятидесяти километров.

Как только я услышал далёкие раскаты артиллерии, то, грустно вздохнув, сошёл со звериной тропки и направился в сторону немного расступившихся деревьев. Оттуда тянуло свежестью, значит, там вода. До наступления темноты осталось около часа, пора готовить лагерь для ночёвки и наконец поесть горячего.

С водой я не ошибся, вышел к болотистому озерцу. Нашёл укромное место на берегу — пришлось пройти ещё метров сто. Стоянка для лагеря действительно вышла незаметной со стороны. Сняв все вещи, стал готовиться к ночёвке. Достал топорик, вырыв небольшую ямку — пора обзаводиться пехотной лопаткой! — разжёг костёр. Сухостой подобрал заранее и нёс на плече хворостину, теперь её нарубил и оставил разгораться, подвесив на самодельной треноге котелок с чистой родниковой водой: родник нашёл метрах в сорока дальше,

заодно запасы воды пополнил. Потом сходил и нарубил лапник на лежанку – до ёлок пришлось далековато бегать, метров триста будет – и натянул сверху плащ-палатку. Дождя не предвидится, но нужно набить руку в организации стоянок, чтобы в дальнейшем меньше времени тратить на это.

Пока похлёбка варилась, я даже окунуться успел, смыл пот и грязь прошедшего дня, наконец надел чистое бельё, а грязное оставил у берега отмокать, потом постираю. Через несколько минут, прямо из котелка, я уже хлебал мясную похлёбку, наблюдая, как закипает вода в кружке. Скоро и чайку попью. Хлеба у меня не было, но имелся килограмм сахарей, вот их я и размачивал в бульоне и спокойно ел. Надолго запасов, естественно, не хватит, но я не переживал, трофеи – моё всё.

После ужина, когда уже почти стемнело, я сидел с кружкой чая у краснеющих углей и прислушивался к далёкой канонаде и гулу автомашин с дороги, которая находилась в километре от моего лагеря. Слышно было слабо, деревья заглушали, но всё равно слышно. Вылив остатки чая на угли, я проверил маскировку и пошёл заниматься стиркой. Дальше развесил бельё сушиться и полез в кустарник, где соорудил себе берлогу. Нужно достать пяток гранат на растяжки, чтобы ко мне не подобраться было, но это планы на следующие дни.

Москва. Лубянка.

Кабинет наркома Берии.

1941 год, 22 июня, 23 часа 27 минут

Совещание длилось уже два часа, с той самой минуты, как нарком прибыл из Кремля со срочного совещания правительства Советского Союза.

Лаврентий Павлович, сидевший с хмурым лицом во главе стола, нет-нет да поглядывал на своего сотрудника, начальника секретного отдела. По старой чекистской привычке отслеживать реакцию всех присутствующих, он заметил, что тот нервничает, и с каждым новым докладом о ситуации на границе и последствиях нападения – все больше.

Сводки, поступающие оттуда, действительно не радовали, но майор как-то слишком нервно себя вёл, и Берия сделал для себя пометку пообщаться с ним. Возможность представилась чуть позже, когда уже был час ночи двадцать третьего июня.

– Товарищ Пименов, вас я попрошу остаться, – велел Берия, когда последнее сообщение было закончено и сотрудники наркомата стали собираться. Кто домой отсыпаться, а кто и на узлы связи, нужна точная обстановка на фронтах по всей западной границе.

Майор немедленно исполнил приказ и сел на место, преданно глядя в глаза наркому, но быстро стушевался, побледнел и уткнул взгляд в столешницу. Берия понял, что тот действительно имеет какие-то очень важные сведения.

ния, и судя по нервозности, они серьёзно запоздали. Причём, вполне возможно, по приказу самого майора.

– Докладывайте, – приказал Берия.

Вздрогнув, майор несколько беспомощно поглядел на наркома, но быстро взял себя в руки.

– Утром восемнадцатого июня неизвестный подошёл к почтовому ящику у нашего центрального входа и бросил восемь конвертов, пометив адрес отправления как «лично товарищу Сталину» и «совершенно секретно». Все восемь конвертов были немедленно извлечены, занесены в журнал и отправлены в мой отдел, согласно внутренним инструкциям. Их изучил сперва дежурный отдела, лейтенант Арбузов, потом и я. Я своей властью запретил отправление их дальше. Наши специалисты ещё работают. Я думал, это чья-то шутка или бредни сумасшедшего.

– Что было в этих конвертах? – ровным голосом спросил Берия.

– Предупреждение о войне. Страшной и долгой. Которая начнется двадцать второго июня в три часа тридцать минут по московскому времени с налётов армий немецких бомбардировщиков на наши города, аэродромы и другие важные узлы обороны. Закончится война в мае сорок пятого в Берлине.

– В чём не прав был отправитель? Неправильно назвал дату начала войны или то, что будет происходить на границе? – сухо спросил нарком, от чего майор ещё более побе-

лел и попытался растянуть ворот френча, но наткнувшись на злой взгляд начальства, стушевался.

– Я-я... мне... Мне показалось, что информация в письмах недостоверная и требует серьёзной проверки, – сглотив, сообщил тот.

– Всю информацию мне на стол, направить следователей к почтовому ящику и опросить дежурного командира. Может, кто-то видел принесшего эти конверты.

– Есть, – вскочил майор. – Разрешите выполнять?

– Не подведи меня в этот раз, майор. Чтобы через минуту все восемь писем были здесь. Всё, иди.

Проснулся я перед самым рассветом. Поел подогретой похлёбки, запил крепким чаем с печеньем, привычно почистил зубы щёткой и стал собираться. Уже в шесть утра я покинул место лагеря и, поправляя лямки сумок, энергично шагал по лесу в сторону границы.

Чем дальше я шел, тем болотистее становилась местность. Через час после того, как покинул лагерь, я обнаружил первые свидетельства войны: мёртвый немецкий лётчик висел в шести метрах от земли, зацепившись стропами парашюта за ветви. Пришлось лезть, мне была нужна карта, что виднелась в планшете, заодно позаимствовал настоящие наикрутейшие лётные очки с зеркальным напылением, документы и вальтер. Ну, и по карманам пошарить не забыл, трофеи – это святое. Не путайте с мародёрством: встречу того, кто

сбил этого парня, отдам всё, что снял с тела, а нет – так пусть у меня побудет.

Карта меня порадовала, там было много обозначений, и я смог определиться на местности. Еще больше меня порадовал компас. Я, конечно, и без него могу ориентироваться, но с компасом надёжнее. Теперь на одной руке у меня часы, на другой компас.

Двигаться дальше по лесу было смерти подобно, впереди виднелась трясина. Поэтому я решил вернуться к дороге. Меня беспокоил только автомобильный мост через пять километров. Пропускают там или нет? Беженцев-то понятно, а в обратную сторону? Ладно, совру что-нибудь.

Собравшись, я двинул дальше по краю болота. Чуть позже мне встретились серебристые обломки самолета с красной звездой, а недалеко от дороги – труп красноармейца. Судя по трём треугольникам в петлицах, он был старшим сержантом, стрелком, а по лицу понятно, что из Средней Азии. Документов при нём не было, только винтовка, пахнувшая сгоревшим порохом, с затвором в открытом состоянии и с пустым казёнником. Патронов у него тоже не было, чехлы на поясе были пусты. Ни вещмешка, ни каски, ни сидора не наблюдалось. Странно. Ранение было тяжёлым. Судя по следам, он сам сюда пришёл, причём от дороги.

Всё выяснилось, когда я дошёл до обочины. Дорога была переполнена беженцами, виднелись остовы сгоревший армейской техники, даже танков. Похоже, раненый сержант бе-

жал сюда, пока не упал от кровопотери и не умер. Чуть левее трое солдат копали большую могилу, чтобы похоронить павших. Рядом уже был один свежий холм. Я подошел к уставшему младшему сержанту и сообщил об обнаруженном теле. Тот кивнул и пообещал похоронить с однополчанами.

– Вас побили? – спросил я, кивнув на технику и погибших.

– Наша часть, – ответил тот и закурил, ловко свернув козью ножку.

– В одни ворота?

– Нет, штурмовик мы сбили, – покачал тот головой и, сделав насколько затяжек, передал самокрутку другому бойцу.

– Там немец мёртвый висел, лётчик. Раз ваши трофеи, то держи. Документы его, планшет, компас и пистолет, вот и мелочь всякая из карманов. Очки, извини, не отдам, это мне за работу, – я тактично не сообщил, что и карта осталась у меня. Мне больше была нужна, очень уж подробная.

Сержант кивал, принимая снятое с немца, и обещал передать начальству, ну а я отправился в сторону западной границы.

Людской поток был таким, что идти ему навстречу было бессмысленно, поэтому я обходил сгоревшую технику по обочине. Дел полно, рассиживаться мне тут ни к чему. Да, я больше зритель в этой трагедии, которая будет определена как Великая Отечественная война, но я собирался побывать во всех более-менее важных схватках, я хотел быть свиде-

телем всех этих дел, но всё же статистом быть тоже не хочу. Главная моя цель, если убрать поиск других Посредников в сторону, это немецкие лётчики. Не самолёты, не техники, а те, кто пилотирует, убийцы, вот их я резать собираюсь по полной. Начну с того экипажа бомбардировщика с бортовым номером «37», а там как карта ляжет. Главное, пленного добыть из их когорты, а уж я его поспрошаю, где их аэродром.

Из всего доступного транспорта мне на первоначальном этапе нужен был велосипед. Если найду, заберу себе, это повысит скорость перемещения. Дальше я собирался прибрать к рукам самолёт, У-2 меня вполне устраивал, как взлётной массой, так и возможностью сесть на пятачок. Не найду его, позаимствую прототип у немцев.

Расстрелянная на лесной дороге колонна осталась позади, и я по освободившейся обочине зашагал дальше. Поток беженцев не ослабевал, но меня это мало волновало. Лавируя между усталыми людьми, я приближался к мосту. Кстати, ту колонну немцы очень ловко поймали: дорожная насыпь, в кюветах болотистая вода – деться некуда. Подбили машины в начале и в конце колонны, потом уже и до остальных добрались. Я был рад, что голы были не в одни ворота, наши отвечали. Летчик, найденный мной на дереве, по документам, служил в штафеле штурмовиков, был пилотом «лаптёжника». Да и по времени его смерть совпадала с налётом.

Среди беженцев было большое количество военных.

С усталыми лицами, где поодиночке, а где группами они отступали от стремительно откатывающегося фронта.

Заметив в кювете велосипед, я спустился и, осмотрев окрестности, поднял его. На вид вполне ничего, шины накачаны, трупов рядом нет. Кто бросил в это время дорогу по меркам беженцев вещь? Странно. Да и судя по следу, его просто столкнули с дороги, и он сам скатился в канаву. Разбитые бомбёжкой телеги, трупы лошадей и людей – всякого насмотрелся на дорогах, но велосипед, тем более целый, мне попался впервые. Можно сказать, подарок с небес. Подумал о нём пару часов назад – и пожалуйста, блестит спицами в кустах.

Заняв седло, я оттолкнулся и покатил по дороге к мосту. У его опор сустились красноармейцы. Видно, готовили его к подрыву.

Беженцев становилось всё меньше, поэтому я катил спокойно. А когда на мосту раздались первые сдвоенные взрывы гранат, я, в отличие от остальных, отреагировал сразу: повернул к обочине и съехал в кювет, доставая пистолет. А на мосту уже разгорался стрелковый бой. Кто и с кем, не ясно, немцев я не разглядел, но одно понятно, в этой схватке я хочу поучаствовать.

Оставив велосипед, я достал бинокль и полез повыше, чтобы присмотреться к бою на мосту.

– Ну, и кто там у нас безобразничает?

При первом же взгляде стало ясно, что прямо на моих гла-

зах те самые спецы батальона «Бранденбург» захватывают стратегически важный мост. На ближайшие сорок километров это единственный, судя по карте немца, крепкий автомобильный мост.

Было видно, что защитники продержатся недолго: как говорится, их застали со спущенными штанами, сразу уничтожив охранение и подавив пулемёты. В это время к мосту по дороге мимо меня прогрехотал сапогами и ботинками десятков бойцов – я их видел в колонне беженцев. Видно, спешили на помощь. Впереди бежал боец со старшинской пилой, он и командовал. До моста было метров двести, их заметили и открыли огонь. Двое упали на дорогу, обливаясь кровью, остальные попрыгали в противоположный кювет и открыли ответный огонь.

– О, «светка», – заметил я у одного из убитых на дороге бойцов СВТ-40. Мне нужно было дальнобойное оружие. Приготовившись к рывку, я осмотрелся. – Хм, а куда все беженцы делись, только что на виду около сотни было?

Подхватив винтовку и бойца за пояс, я вернулся в кювет. Под огнём снимать с него пояс с боеприпасом смертельно опасное дело. Раны я его не осматривал, он точно был мёртв, пулей снесло полголовы. Избавив погибшего от боеприпаса и не забыв единственную гранату – РГД, но хоть что-то, – я проверил оружие и стал красться ближе к мосту. Двести метров для меня ничто, но было много мёртвых зон, а я хотел контролировать всё. Чтобы ни один не ушёл.

С той стороны моста у дороги стояло два ЗИСа с крытыми кузовами, видимо, на них и прибыли диверсанты в нашей форме. По моим прикидкам, их было около пятидесяти. Десяток они потеряли, но оставалось ещё много. Старшина со своими ещё держался, а вот бой у моста стихал, похоже, диверсанты добивали немногочисленные очаги сопротивления. Но точные выстрелы старшины и его бойцов не давали противнику перебраться на эту сторону. На моих глазах двое диверсантов попытались перебежать по пролёту, получили по пуле и упали в воду. А те, что уже перебрались, недолго бесчинствовали и улеглись один за другим – не успели по укрытиям попрятаться, да и было их немного. Молодца старшина.

Отличную позицию для стрельбы я заметил, ещё когда добывал оружие и тащил убитого красноармейца в кювет, и теперь полз туда, активно двигая всеми конечностями и извиваясь, как ящерица. Это мало был похоже на передвижение по-пластунски, учили меня индейцы из племени апачи, зато скорость в два раза быстрее, и со стороны казалось, что я прилипаю к земле, буквально обволакивая каждую кочку.

До примеченного кустарника я добрался за пару минут, всего-то метров восемьдесят. Забравшись под него, я высунул ствол винтовки и, осмотревшись в бинокль, в восхищении поцокал языком. Позиция была хороша. Жаль, что долго мне на ней задержаться не дадут – быстро ответным огнём подавят, так что расстреляю один магазин, и ноги в руки,

благо позади кустарника удобная ложбина, там меня можно будет достать разве что только миномётом, и никак иначе.

Окинув через оптику диспозицию противника профессиональным взглядом, я отметил восемь диверсантов. Изредка меняя позиции, они азартно задавливали огнём старшину и его людей. Да и старшина стал подозрительно медленно вести огонь, как бы у него бойцов меньше не стало. В общем, окинув взглядом позиции противника, я заметил, кто где лежит, и, убрав бинокль обратно в котомку – потом на это времени не будет, – вскинул винтовку и, быстро переводя ствол с одного диверсанта на другого, произвёл серию из восьми выстрелов. Промашов не было, да тут докинуть можно было – сто восемьдесят метров. Всё, с нашей стороны берег очищен от противника.

Сразу как пуля вошла под череп восьмого диверсанта, я выбрался задом из-под кустарника, активно шевеля конечностями, и сполз в ложбину. И вовремя: расчёт одного пулемёта я уничтожил, а второй – я только ствол видел – стал активно поливать мою позицию с другого берега. Может, и другие стрелки присоединились. Мне от этого ни холодно, ни жарко было, только труха посыпалась сверху и слышался противный, но привычный визг рикошетов.

Вставив в приёмник новый магазин, я двинулся дальше, к следующей позиции. Тут мне стрелять не дадут, уверен, эту позицию держат не менее пяти стрелков. К тому же реально нужно поторопиться. Диверсанты тоже не дураки, по-

нимают, что перестрелка может длиться долго, а им нужно занять позиции на этом берегу, чтобы дожидаться своих, поэтому уверен, они уже перебрались через реку и сейчас обходят по флангам меня и позицию старшины. Тот, кстати, так и долбит с одного места. Судя по количеству выстрелов, у него осталось всего два активных стрелка. Если дальше так пойдёт, там они и останутся. Похоже, с выучкой в Красной армии совсем швах.

Следующая позиция была фактически на берегу реки. Она меня устраивала, но как и на первой позиции, меня там быстро сшибут, так что нужно незаметно определиться с главными целями – у меня всего десять выстрелов, – открыть огонь и искать следующую позицию. Я её уже приметил, чуть далее у пенька удобное место.

Осторожно выглянув, я окинул взглядом противоположный берег и округу. Немцы, что по флангам обходят, должны скоро появиться, так что внимания я не ослаблял. Вторая позиция оказалась чудо как хороша, теперь я видел и расчёт второго пулемёта, и ещё десяток диверсантов. Двое колупались под мостом, снимая заряды. Быстро распределив цели, я выкатился из ложбины и мгновенно открыл огонь. Сперва в воду упали оба сапёра, потом стих пулемёт – расчёт был выбит, уничтожил группу диверсантов из четырёх голов – один держал в руках бинокль, видно это был командир, – ну и по рядовым стрелкам прошёлся. После чего тем же перекатом снова ушёл в ложбину, слыша, как с чавканьем впива-

ются пули в то место, где я только что лежал.

А я пополз на другую позицию. Да и старшина, заметив, что огонь диверсантов заметно стих, приободрился и стрелять начал чаще. Кстати, не безрезультатно, когда я выбивал командную группу, то заметил краем глаза, как упал вскочивший в стороне диверсант, ему не от меня прилетело, факт.

Следующая позиция была у пенька, однако задумчиво осмотрев её, я решил не выбираться из лощины. Не только мне понятно, что тут позиция идеальная, наверняка ее держат под наблюдением. Подставляться так не хотелось, поэтому я двинулся дальше, понемногу возвращаясь к своей первой позиции. Во время передвижения я уловил движение в кустах с моей стороны дороги – всё же, видно, послали диверсанты своих в обход, вот они и добрались до меня. Не знаю, как со стороны старшины, но у меня было трое. Вскрикивать я не стал, просто слегка приподнялся и дал серию выстрелов, положив всю тройку. Причем с гарантией. Правда, и сам не уберегся: раздался одиночный выстрел с того берега, и я почувствовал, как висок начало саднить и там заморело. Достав зеркальце, присмотрелся и скривился: царапина сантиметров пять. Борозда от пули неглубокая, можно даже не перевязывать, но всё же неприятно. Похоже, снайпер с той стороны работает. Видимо, до этого он со старшиной перестрелки устраивал, из-за чего тот так быстро людей потерял. А теперь перебрался ко мне, и вот почти подловил.

Опытный, сволочь, и что плохо, я фактически заперт в этой ложбине. Ну и что, что немцев осталось чуть больше десятка, мне и этого хватит. Уверен, всю ложбину они держат под контролем, чуть где движение – будут стрелять на поражение, надеясь зацепить меня. Такие дела меня не радовали. Однако особо я не расстраивался, найдём выход.

Я развернулся ко второй позиции. Нужно убрать снайпера, и для этого у меня только один выстрел. Стреляли часто, но по выделяющемуся специфическому звуку у снайпера вроде такая же винтовка, как и у меня. А с какой стороны раздался выстрел, я заметил, теперь нужно незаметно изучить ту местность, найти лёжку и убрать эту помеху. Снайпер может нам всю обедню испортить.

Я вернулся на вторую позицию, снова аккуратненько воспользовался биноклем и кроме шести позиций рядовых диверсантов заприметил-таки место нахождения снайпера. Там всего шесть удобных для лёжки мест было. Я все осмотрел и на третьем его обнаружил. Дальше просто. Я чуть привстал – понятно, что непрофессионально, но у меня только один шанс, – винтовка лягнула в плечо, и над головой снайпера вспухло красноватое облачко, а я, не прячась, произвёл быструю серию из пяти выстрелов, положив пятерых из шести запримеченных, после чего снова нырнул вниз. Что странно, по мне никто не стрелял. Неужто всех выбил?

Сменив позицию, я лёг на спину и стал перезаряжаться, морщась от недовольства собой. Шестой успел нырнуть в от-

крытую дверь дзота на противоположной стороне и спрятался внутри. Перезарядившись, я пополз к первой позиции. Кустарника уже не было, только измочаленные пулями остатки, зато он не помешал мне в бинокль осмотреть весь берег с той стороны.

– Старшина! Слышишь меня?

– Слышу, ты кто? – после недолгой заминки донеслось до меня.

– Помощник. Я там половину диверсантов перебил, но один в дзоте на том берегу спрятался. С моей стороны трое с фланга обходили, у тебя кто был?

– Пока не было. А ты молодец, здорово нам помог. Снайпер?

– Снайпер... Я осмотрел позиции диверсантов, похоже, там только один живой. Нужно последнего выбить из дзота. Хватит гранаты, ну и мост взорвать требуется. Сколько у тебя штыков осталось?

– Я и ещё один боец. Ещё двое могут вести огонь с места.

– Мы тебя прикроем, нужно проверить позиции с той стороны.

– Снайпер?

– Его уже нет, я ему голову отстрелил.

– Всё равно как-то боязно.

– Старшина, не бзди, вперёд! – рявкнул я.

Эхо искажало мой голос, было слышно только, что он звонкий, а командные интонации сделали свое дело. Пере-

бежками старшина и его боец двинулись к мосту. Кстати, у старшины появилась повязка на плече, которой до боя не было. Видимо, его зацепило – судя по пятнам крови, серьёзно, но он всё равно считал себя активным штыком. В принципе, снова молодец.

Заметив тень в двери дзота, я тремя выстрелами загнал диверсанта обратно, чтобы тот не мог подстрелить кого-то из наших. Наконец старшина добрался до окопов на нашей стороне реки, осмотрел их, поменял там свою винтовку на ППД, не знаю уж чей, диверсантов, чьи тела были на нашем берегу, или охраны моста. Дальше просто. Старшина стал бить короткими очередями по открытому проёму, его боец пробежал по настилу моста и швырнул в открытую дверь гранату. Этим бой и закончился. Меня беспокоила вторая группа, которую командир диверсантов просто не мог не послать. Она должна была уже выйти к старшине, но ее почему-то не было, вот я и решил пробежаться, пока старшина с бойцом осматривали окопы на обоих берегах в поисках выживших из охраны моста.

На изучение этого вопроса у меня ушло минут сорок, следопытом я был очень даже, в смысле учили меня серьёзно, для меня следы как открытая книга, так что разобрался быстро. Когда я спокойно взбежал на дорогу к дзоту с нашей стороны, красноармейцы и старшина вытаращили на меня глаза.

– Ты кто? – удивлённо спросил старшина, перевязывая ра-

неного. Того я раньше не видел, скорее всего из охраны моста, тех, что отбивались с нашей стороны, так как со стороны противника всех раненых диверсанты доби́ли.

– Ты не охренел? – удивлённо поднял я правую бровь. – Вместе же диверсантов давили. Я вас прикрывал с той стороны кювета.

– Так это был ты?! – тот никак не мог прийти в себя.

– Я был, я. Бегал сейчас смотреть, не охватили ли с флангов с вашей стороны.

– И как?

– Было двое. Я нашёл место, где они топтались и прислушивались к звукам боя. Видимо, они поняли, что их товарищей выбили, поэтому ушли.

– Плохо, что ушли, – поморщившись, отозвался раненый сержант из охраны моста. Несмотря на ранение в грудь, он ещё пытался говорить!

– От пули не уйдёшь. Хорошая винтовка, – погладил я ствол «светки», после чего спросил: – Это все выжившие?

– Да, всего трое: сержант и двое бойцов, у всех ранения в верхнюю часть тела, плечи, голова, – придя в себя, старшина вернулся к перевязке.

– Пойду, посмотрю, что там с машинами, оружие сменю. Это «светка» вашего бойца, ну и проверю, что там немецкие сапёры натворить успели. Скорее всего, они просто взрыватели вынули. Мост рвать нужно.

– Умеешь? – коротко спросил старшина.

— Подрывник, — кивнул я и с винтовкой в руках направился на противоположный берег. Мост был с деревянным настилом, но железный. Видно, что новый, крепкий. Быки из армированного бетона, секции из железа.

Кивнув бойцу, что собирал оружие и переносил на наш берег, я проверил машины. Передняя была изрешечена и в дело не годилась, а вторая вполне ничего, лишь одно пробитое колесо сменить, а что лобовое стекло прострелено, так это не страшно. Запустив двигатель, я тронул машину с места и поставил рядом с первой. Нашёл инструменты, остановил собиравшего оружие и документы бойца по имени Витя и велел переставлять колёса на машинах, а сам сходил к лёжке снайпера. Витя его не заметил, и я снял с того неплохой хабар. Помимо СВТ-40 в снайперском исполнении, взял достаточно трофеев: двухлитровый термос, разгрузочная система, первоклассная оптика и ранец с имуществом. В ранец я не заглядывал, убрал туда оптику и отнёс всё к мосту. Винтовку, из которой мне пришлось пострелять, я положил в общую кучу вместе с ремнём, а свой трофей отдельно. После этого полез под опоры моста, мельком посмотрел, как там дела у Вити. Тот уже снял с грузовика заднее простреленное колесо — второе было целым, и теперь снимал с первой машины, там было три уцелевших баллона. Работал споро. Как оказалось, он был трактористом у себя в колхозе, так что парень подготовленный. Прав он не имел, но за баранкой сидеть приходилось, так что уверен, с машиной он справится,

заодно раненых заберёт.

Когда я возился с зарядами, моё предположение подтвердилось: немецкие сапёры просто извлекли детонаторы. Старшина, закончив с перевязками, направился к своим, где вёл бой. Оттуда поочередно привёл к мосту троих раненых. Двое сами шли, хотя их и приходилось придерживать, а одного он принёс на руках, и это с простреленным плечом! Силён.

Я тоже достаточно быстро закончил. Пробежался по цепи, нашел пару обрывов, проверил подрывную машинку, после чего, разматывая бухту провода, отошёл по дороге метров на двести пятьдесят. Там забрал свой велик с сидором и откатил его на ту сторону, где в беспорядке лежали тела диверсантов.

Бой длился всего минут пятнадцать. Если же считать и поиск той двойки, что не рискнула пойти в бой, которых я подловил на переправе и обоих утопил с дополнительным грузом в виде свинца, то с начала первого выстрела прошло полтора часа. За это время на дороге с обеих сторон реки так никто и не появился.

– Ну что, будем прощаться, старшина? – подошел я к нему.

У мужика оказалось крепкое рукопожатие.

– Торопишься?

– С минуты на минуту тут будут немцы. Диверсанты обычно захватывают важные объекты, перед тем как подходят манёвренные группы, так что не думаю, что у нас боль-

ше часа. Там в двухстах метрах от моста лежит подрывная машинка. Тебе нужно всего лишь примотать один провод и крутануть ручку, после чего моста не будет. Я сейчас вам помогу погрузить раненых, трофеи, и езжайте. Поторопитесь.

– Ты не сказал, кто ты.

– Обычный четырнадцатилетний паренёк. А фамилия у меня простая: Александров. Артур Александров, – засмеялся я. – Всё, давайте грузиться.

Мы справились за пятнадцать минут, расположили всех раненых в кузове, скинули у борта оружие и боезапас, старшина даже два ДП прибрал и зенитку. Да-да, с нашей стороны была позиция тридцатисемимиллиметровой автоматической пушки. Расчёт был выбит, но старшина знал, что к чему, под его руководством мы с Витей поставили зенитку на колёса и прицепили к грузовику. Даже пару ящиков со снарядами положили в кузов. После этого старшина сел в кабину, и машина, завывая мотором, направилась прочь от моста, а я перебежал на другую сторону – всё необходимое я уже навьючил на велик, лишь сидор забросил за спину, – сел в седло и покатил прочь. В ту сторону, где было отчётливо слышно даже не артиллерийскую, а ружейно-пулемётную перестрелку.

Отъехав метров на триста, я затормозил и достал бинокль. На противоположном берегу стоял грузовик, и старшина с Витей возились с подрывной машинкой. Буквально через

минуту мост дрогнул и в обломках металла и дерева взлетел на воздух. Когда пыль осела, я рассмотрел только бурлящую от падающего мусора воду и остатки быка, второй скрылся под водой. Одно хорошее дело сделано, и это радовало. Помахав рукой бойцам, я покатил дальше по своим делам, а они по своим. У каждого был свой путь. Но я запомнил, что старшина был Еремеев Егор, Витя – красноармеец Пушкилин, а тот раненый сержант из охраны моста – Дмитрий Демидов. Может, ещё встретимся.

Я знал, куда лежит дальнейший мой путь, поэтому налегал на педали, внимательно поглядывая на дорогу впереди. Тот лес, по которому я двигался вчера и сегодня до боя на мосту, похоже, подходил к концу, деревья начали расступаться, и впереди отчётливо виднелся просвет опушки.

Винтовка у меня висела за спиной у сидора. Понятно, что немцы, если меня возьмут, могут мне эту винтовку в одно место сунуть, снайперов они не любили, поэтому я активно крутил головой, чтобы не вылететь на них. Пока получалось, дорога была странно пуста, хотя отчетливо слышалась работа множества моторов, причём этот шум движущейся колонны заметно приближался. Уж не та ли эта группа, что должна была захватить мост и помочь диверсантам? Не знаю, пока не скажу.

Кобрин оставался километрах в тридцати от меня по правую руку, но скорости я не снижал. Когда впереди показалась опушка и звук моторов стал отчётливо слышно, я покинул

седло велосипеда и повел его за руль прочь от дороги. Эта встреча мне была ни к чему. Как я уже говорил, путь мой лежал в Брест: я хотел хоть краем глаза посмотреть, как там воюют наши парни. Если будет возможность, то хоть чем-то помочь, и одна идея у меня уже была. Однако сначала я собирался посетить место расположения двух армейских аэродромов. Наверняка там уже побывали немцы, но я надеялся найти для себя уцелевшую машину. Да-да, я про У-2. А аэродромов на моём пути два.

Я успел удалиться в редкий лес метров на триста, когда на дороге мелькнули несколько мотоциклов и туша бронетранспортёра передовой группы, почти сразу за ними пошли танки, бронетранспортёры и грузовики.

– Опоздали, голубчики, – хмыкнул я и продолжил движение.

Наконец я разглядел первых окруженцев. Сквозь пшеницу раскинувшегося перед опушкой поля, к лесу скрытно двигалась довольно большая группа бойцов. Я насчитал человек шестьдесят. Многие вооружены, но не все. Некоторые в робах техников. С учётом того, что до ближайшего военного аэродрома двенадцать километров, это неудивительно. Как бы это не были остатки БАО с присоединившимися к ним немногочисленными группами стрелков.

Опустив бинокль, я задумчиво цыкнул зубом. Судя по направлению движения окруженцев, в лес они войдут метрах

в трёхстах от меня. Моя недавняя идея была неплохой, да что сказать – отличной! Мне нужен лишь доброволец. Опытный, знающий все местные летательные аппараты доброволец-техник, и я надеялся найти его в этой группе. Вот только как уговорить его пойти со мной? Кто станет слушать четырнадцатилетнего пацана? Вот именно, что никто, пошлют куда подальше и пойдут по своим делам. Но попытка не пытка, если не получится, справлюсь сам, без помощи.

Я устремился вниз, перебирая руками и ногами по веткам, и спрыгнул на землю. Бросив велосипед прислонённым к дереву, я снял с себя всё лишнее, чтобы походить на простого паренька, и побежал на перехват окруженцев.

Шли те сторожась, но без головных и боковых дозоров. Науку движения по вражеской территории им явно никто не преподавал. Ничего, немцы научат. Командира я определил, ещё когда сидел на дереве. Это был лётный капитан. Когда основная масса прошла мимо, я выбрался из-за дерева и подошёл к нему.

– Доброго дня вам, – сказал я.

– Ты тут откуда?! – выпучил тот глаза. – Как сюда попал?!

Понять его можно, вокруг только знакомые ему бойцы, а тут раз – паренёк в гражданке, смотрит на него невинными зелеными глазками.

– С учётом того, как вы двигаетесь, меня всё больше удивляет, как немцы вас всё ещё не перехватили, – показал я кривую улыбку.

– Да тут кругом немцы! – взвился истерично капитан.

Кстати, судя по нашивкам, он оказался старшим политруком, то есть служил по политчасти, а не был кадровым командиром. Но всё же кант на пилотке и петлицы у него были голубыми, да и эмблемы летунов имелись.

– Где головной дозор, где боковые дозоры? Стадо, а не подразделение Красной армии, – стал я отчитывать политрука, а заметив, что тот начал с возмущением открывать рот, я добавил уже нужную информацию: – Мост впереди взорван, придётся переправляться так. Вы как раз двигаетесь по ничейной земле, наши уже отброшены, лишь группы окруженцев, вроде вас, да и немцы стали появляться на дорогах.

Я осмотрел собравшихся вокруг. Некоторые были ранены, значит, я не ошибся, разглядывая их с дерева, были-таки повязки на нескольких красноармейцах.

– Когда же наши их остановят? – тоскливо спросил один боец, на что я громко рассмеялся.

– Это произойдёт не скоро. Вы ведь авиатор? Тогда можете себе представить, что после нескольких налётов вы лишились всей приграничной авиации, и отражать налёты вам теперь практически нечем. Немцы бомбят походные армейские колонны, склады и технику. Приграничные войска разбиты и рассеяны, так что остаются лишь войска второго эшелона, но я бы на них не надеялся, отступать вам придётся долго. Нужно вернуть господство в воздухе, без него воевать очень проблематично, думаю, вы в этом уже убедились.

– Ты кто? – прямо спросил политрук. А я думал, он попытается заткнуть мне рот отповедью, но, видимо, начало войны что-то перевернуло в нём, и никаких газетных цитат о малой крови на чужой территории я не услышал.

– Диверсант, профессиональный. У меня экзамены в училище по полевому ориентированию. Должен был на третий курс перейти, а тут война. Вот и развлекаюсь. Кстати, тот мост я взорвал, его немецкие диверсанты почти захватили, перебив охрану, пришлось повоевать.

Раздался гул голосов, но смолк, когда я поднял руку.

– Прежде чем расстаться, я вас кое-чему научу. Двигайтесь по тылам противника только по нехоженным тропам, на дороги можно выходить только в одном случае – чтобы пересечь их, и делать это лучше ночью. К местным жителям не ходите. Они рады немцу и сдадут вас, в большинстве случаев, конечно, ну или в спину выстрелят. Дальше. Добывайте еду сами, в лесах, полях, ну или отбив у немцев, пересекайте реки вплавь и на подручных средствах и игнорируйте броды и мосты, там будут засады. Только в этом случае у вас есть шанс живыми дойти до наших. Теперь по немцам и тем, кто подумывает, что в плену неплохо. Ошибаетесь, я уже общался с теми, кто попал к ним в плен и бежал. Есть и такие. Первое, раненых в плен они не берут, добивают на месте, на корм идет брюква, сваренная на воде, ничего больше, рацион только один, ну и лагеря под открытым небом. Никаких бараков, спать на земле, ходить под себя, так как туалетов не

предусмотрено, на любые волнения – огонь из пулемётов на поражение с вышек. Я взял в плен одного лейтенанта тыловой дивизии, и тот сознался, что на такой объём пленных они не рассчитывали и кормить их просто нечем. Запасы быстро тают. Поэтому сверху пришёл приказ пленных уничтожать, кого травить, кого расстреливать. Уже появились расстрельные команды, и это на второй день войны.

Я умолк и обвел взглядом стоящих вокруг бойцов. Кто-то глухо выругался. Первым пришёл в себя буквально раздавленный политрук:

– И что же нам делать?

– Идти к своим, конечно же, – пожал я плечами. – Как идти, я описывал. Но можно при этом устраивать диверсии на дорогах. Например, техника у немцев вся на бензине, включая танки, а те перевозят горючее на броне в канистрах. Один выстрел зажигательной пулей – и костёр. Стреляйте в водителей машин, убивайте их. Колонна встанет, на полчаса-час, но это время для наших отступающих войск, чтобы занять и подготовить позиции к бою. Стреляйте в танкистов, плевать на танки. Чтобы подготовить опытного танкиста, нужно много времени, а простого пехотинца за рычаги не посадишь. Пока вы будете двигаться по тылам немцев, устраивайте засады на небольшие группы, используйте захваченную технику и вооружение, особенно для засад их скорострельные пулемёты хороши. Это я про МГ-34. Ваша задача не погибнуть зря, а выбить у немцев как можно боль-

ше личного состава. На пехоту особо внимания не обращайтесь, главное – военные специалисты во всех областях...

Говорил я ещё долго, и что странно, слушали меня со всем вниманием, как устраивать засады на тех же мотоциклистов с помощью натянутой верёвки, или как устанавливать заряды с гранатами или растяжки. В большинстве своём вокруг меня собрались технические специалисты, и они понимали, о чём я говорю.

– Ты с нами не пойдёшь? – воспользовавшись заминкой, спросил политрук, пока я, отстегнув флягу, утолял жажду. Кстати, пить хотели многие, поэтому моя фляга быстро пошла по рукам и вернулась пустой.

– Нет, у меня свои планы. Званием можете не давить, мне оно побоку. Тем более мы из разных ведомств, – ответил я. – У меня лишь одна просьба. Мне нужен авиационный техник. Лучше всего универсал, тот, кто знает все типы самолётов. Лётчики есть?

– Я лётчик, – подняв руку, вышел вперёд молодой, лет девятнадцати, парень. – Сержант Евгеньев.

– Вот, мне нужен техник и лётчик, – я осмотрел бойцов. Многие отводили глаза. – Кто согласен со мной повоевать? Обещаю по возможности потом доставить к нашим в целости и сохранности.

– Я готов, – сделал шаг вперёд тот же сержант.

– На чём летал?

– На «ишачке».

– Пойдёт, – согласился я и снова осмотрел техников. – Ну так что, есть добровольцы?

– А, гори оно всё огнём, – махнул рукой и вышел мужчина лет сорока в застиранном комбинезоне, под которым виднелась гимнастёрка с треугольниками старшего сержанта.

– Этого хватит, товарищ старший политрук, – сказал я капитану. – Думаю, вам стоит продолжить путь и пройти как можно больше. Немцев вам, скорее всего, не догнать, но некоторые шансы появились после уничтожения моста... Бойцы, за мной.

Те, кого я отобрал, быстро попрощались со своими, а остальные направились к реке. Политрук, похоже, пропустил все мои советы мимо ушей: ни боковых, ни передового дозора не было, так и двинули общей толпой. Не дойдут, факт.

Кто-то спросит, как так: раз, и послушались четырнадцатилетнего паренька. А причина была. Я не зря так долго описывал их будущие мытарства на территории, подконтрольной немцам, даже дал политруку перерисовать с трофейной карты кроки. Разговор вёл спокойно, но в моей речи нет-нет да проскальзывали командные нотки. А такие нотки нужно ставить, и ставить долго. Вон, даже политрук тянулся, когда я обращался к нему и проверял форму, всё ли застёгнуто. То есть дал понять, что несмотря на возраст, опыт командования у меня просто огромный. А с учётом растерянности, в которой они пребывали, я для них как свет для мотылька.

Правда, возраст всё же сыграл роль, поэтому я не удивился, что согласились всего двое.

Пока мы шли к велосипеду, я решил опросить своих новых подчинённых, — я им ясно дал понять, что они перешли в этот ранг.

— Представьтесь, где служили, какой техникой владеете, включая наземную.

Они оказались из одного истребительного полка, только служили в разных эскадрильях. Техник ремонтировал все истребители, у них в полку была сборная солянка от «Чак-ек» до «Мигов», были и «ишачки», — всего четыре типа истребителей. Уж не знаю, кому пришла мысль в голову перевооружать на местах! Так вот, Пётр Кириллович техником был отличным, знал все машины, более того, умел водить мотоциклы и машины. Это хорошо. Сержант был пилотом «ишачка», этим утром его сбили в бою неподалёку от аэродрома, выпрыгнул с парашютом, вернулся пешком, а там бой: немногочисленная охрана и два расчёта зенитчиков отбивались от подошедших подразделений немцев. Вот политрук собрал тех, кто выжил, и приказал отходить к своим. Бой продолжался ещё полчаса, пока немцы не уничтожили оборону аэродрома. Технику уничтожить отступающие не успели. Сам сержант был вооружен наганом в кобуре — ему как лётчику было положено личное оружие, а вот у техника кроме огромных кулаков ничего не было. Оружие у него осталось в сгоревшей ремонтной летучке, а во время бегства

с аэродрома подобрать что-нибудь он не успел. Сначала их было человек тридцать, а чуть позже стали присоединяться другие окруженцы. Несколько часов они просидели в овраге, а потом уже направились к лесу по полю, пока я их не обнаружил.

К этому моменту рассказа мы подошли к моему лагерю, и я подвесил котелок и стал разводить костёр. Время обеденное, сам подкреплюсь и их покормлю.

– Как к вам обращаться? – немного смущаясь моего возраста, спросил Евгенийев.

– Можно по имени, можно по званию из прошлой жизни, – ответил я и, заметив, что вода закипела, бросил крупу и принял из рук техника вскрытую банку тушёнки.

– Как это? – хором спросили авиаторы.

– Давайте я расскажу вам о религиях, что существуют на планете, называемой вами Земля. Высоцкий, кстати, хорошо об этом спел... Всё, не буду, ни к чему это, но об индусах кратко расскажу. Так вот, по их мнению, душа умершего существа, будь то человек или животное, не возносится на небеса, а перерождается. Например, душа коровы вселяется в щенка, душа кошки – в младенца-девочку, ну и так далее, то есть после смерти нас вроде как ждёт новая жизнь. Я ничего против этого не скажу, так как результат перерождения перед вами. Просто, по моему личному мнению, о перерождении никто не помнит – как я о своей прошлой жизни, – остаются только инстинкты.

– Да-а, такое может быть. Техник в соседнем звене ну такой баран был... – покачал задумчиво головой Пётр Кириллович. – Подожди, получается, ты помнишь свою прошлую жизнь?

– Жизни, – поправил я его. – А так да, это у меня пятая жизнь, и всегда я умирал насильственным путём. То есть меня убивали. Травили, взрывали, ну или сам подрывался. Причём возрождался я не в чужом теле, хотя это возможно, судя по одному моему не очень приятному знакомцу, а в своём.

– И какое у вас было звание?

– Я был капитаном спецназа ГРУ, нас ещё боевиками прозвали. Чтобы вам было понятно, расшифрую по местным определениям. Спецназ ГРУ – это армейский осназ контрразведки. Я был ранен, оторвало обе ноги, но Батя, мой командир, молодец. Задним числом провёл представление меня на майора, так что списали по ранению в этом звании. Мне тогда тридцать с мелочью было. В общем, можете обращаться ко мне «товарищ майор», тем более звание мной честно выслужено, запоздало только на пару лет.

– А как вы погибли? – с живейшим интересом спросил сержант.

– Дом мой взорвали. В будущем таких людей террористами будут называть. Я жил в Москве, они заминировали жилой дом и подорвали, погибло более тысячи человек. Все гражданские.

– Но зачем? – Евгеньев заметно побледнел.

– Они так ставили условия правительству страны, мол, если те не пойдут на уступки, взрывы жилых домов продолжатся.

– Фашисты!

Обед был готов, ложки у всех имелись, поэтому мы стали есть пшённую кашу, сдобренную тушённой, вприкуску с размоченными сухарями, каждый погрузился в свои тяжёлые думы. Когда котелок показал дно и ложки стали скреститься об него, Пётр Кириллович вытер ложку, убрал её за голенище сапога и спросил, наблюдая, как я сыплю заварку в кружку с закипевшей водой:

– Вы сказали, что жили в будущем?

– Да, в двухтысячном году, – разделяя на троих остатки печенья, кивнул я. – Если ты спрашиваешь об этой войне, то она была. Начало один в один, как у нас.

– И как это было? – спросил техник. Евгеньев напряжился, внимательно ожидая мой ответ.

– Так же страшно. Кадровая армия будет разбита за несколько месяцев и потеряет все территории, единицы выйдут к своим из окружения, большая часть или погибнет, или попадёт в плен. Но появится возможность формировать дивизии ополчения. Они также будут сгорать в боях, но остановят немцев у Москвы, даже отбросят их на двести километров. Потом будут позиционные бои, наши командиры будут учиться бить немцев, будут крупные поражения, будут

победы. Война закончится в Берлине девятого мая сорок пятого года. Это у нас, не знаю, как у вас будет.

– Почему? – спросил лётчик.

– Так я же тут, – спокойно пояснил я. – Кстати, по приказу Ставки Верховного Главнокомандующего, в январе сорок третьего будут введены погоны и в обращения вернутся такие термины, как «офицеры» и «солдаты», «так точно» и «никак нет».

– Вам надо к товарищу Сталину, рассказать всё об этом, если это, конечно, правда, – воскликнул летун.

– Это правда. А рассказать... я уже письма отправил. С вашими правителями я встречаться не хочу, уже обжёгся в одной из жизней, учёный.

– Зачем вы нам рассказали, не боитесь, что сведения на сторону уйдут? – спросил техник, допивая чай. Печенье мы уже съели, и я пучком травы очищал котелок.

– Нет, не боюсь. Это лишь слова, подтверждения нет. Кстати, двадцать восьмого немцы возьмут Минск. Так что через неделю сможете проверить, правду ли я сказал. Ладно, собираемся, пора действовать.

– Что вы хотите делать? – спросил Евгенийев, пока техник пребывал в задумчивости.

Навешивая поклажу на велосипед, я, не задумываясь, ответил:

– Те части, что остались в Брестской крепости, дерутся в окружении до сих пор и ждут помощи. Понятно, что её не

будет, но хочу хоть как-то поддержать их и рассчитываю, что и вы со мной – помогать я собираюсь с неба.

– На аэродроме немцы, – напомнил сержант.

– Вот это как раз меня мало заботит, главное, чтобы там были «эрэсы», бомбы, топливо, ну и рабочие аппараты, конечно. Я пилот, ты лётчик, на пару мы там повеселимся, заодно помогая нашим парням в крепости.

– Но немцы?!.

– Это не ваша забота. Напомню, я майор спецназа, осназа, как у вас их тут называют, у меня огромный боевой опыт как раз в ведении таких боевых действий. Так что немцев я беру на себя, на вас вся авиационная техника, постарайтесь не подвести меня. Уже сегодня вечером я собираюсь совершить первый вылет. Это всё, выходим.

Я передал кобуру с вальтером технику, тот быстро продел кобуру в ушки ремня, проверил оружие, и теперь был хоть как-то вооружён. Я же повесил винтовку на плечо, взялся за руль велосипеда и направился к дороге.

– Туда же нельзя, – сообразил, куда мы направляемся, Евгенийев.

– Именно. Мне нужна машина. Подойдёт и мотоцикл, но лучше машину.

На обочине я спрятал авиаторов, поменяв свою винтовку на вальтер Петра Кирилловича – работать я собирался в одиночку, поэтому и решил действовать двумя единицами короткоствольного оружия. Одет я был как простой паренёк,

оружие за поясом сзади, взведено и готово к бою. Я проверил маскировку парней, поправил некоторые огрехи, доводя её до совершенства, потом вернулся на обочину. Долго ждать не пришлось. Видимо, немцы остались у руин моста, поджидая подразделение с понтонами, всё же тут была накапанная дорога, да и берег позволял навести такую переправу, но патрули в разные стороны выслали. Жаль, что не машины – два мотоцикла с шестью седоками при двух пулемётах.

– Не вмешивайтесь, – велел я авиаторам, внимательно наблюдая, как из-за поворота показались стрекочущие мотоциклетными моторами немцы. – Я сам справлюсь. Вы только мешаете.

Немцы подъехали ко мне, слегка притормозили, и... не останавливаясь, проследовали дальше. Я их не заинтересовал. Выхватив оружие, я открыл огонь им вслед. Из ТТ по ближайшему экипажу, из вальтера по дальнему. Положил пятерых, ранив шестого, мне нужен был «язык».

Мотоциклы, никем не управляемые, остановились, один посередине дороги, второй скатился на обочину в кусты и там заглох.

– Собрать оружие и документы, подготовить технику к движению, – скомандовал я и рванул к подранку. Это был солдат, что сидел за водителем. Когда я его ранил, он отклонился, что позволило мне достать водителя.

Спустившись на обочину, я перевернул подранка на живот и связал ему руки, после чего похлопал по щекам. По-

хоже, у него болевой шок. Я стал задавать вопросы, жёстко контролируя ответы. Авиаторы с несколько ошарашенным видом собирали и уложили в одну из люлек оружие. Обоим я велел вооружиться МП-40, их как раз было две единицы, и забрать боеприпас. Вальтер я не вернул, вместо него Пётр Кириллович выбрал себе парабеллум одного из пулемётчиков. В общем, когда я закончил с допросом, авиаторы уже не удивлялись тому, что я знаю немецкий, оба мотоцикла находились на дороге. Тела были спрятаны в кустарнике, туда же унесли и шестого, которого я добил ножом.

– Надеваем плащи, каски и следуем за мной, – я занял седло и запустил двигатель.

В люльке моего мотоцикла были сложены все трофеи и мои вещи, сверху положили велосипед. Авиаторы образовали экипаж второго мотоцикла: техник за рулём, Евгенийев за пулемётом, он его быстро освоил – поклацал затвором, даже поменял пятидесятипатронную банку на ленту в двести патронов.

Первым двигался я, авиаторы следом. Сразу же свернув с шоссе на полевую дорогу, мы за час проехали десять километров и встали у рощи. До аэродрома оставалось около полутора километров, вдали уже виднелись строения и, кажется, даже самолёты. Воспользовавшись биноклем, я действительно рассмотрел ряды боевой авиационной техники.

Пока мы ехали, не раз встречали немцев, один раз даже целый пеший батальон. Я заранее предупредил авиаторов.

Они сперва, конечно, шугались, а потом, следуя моему примеру, даже приветливо махали рукой немцам. Типа мы свои. Плащи, каски и очки, спущенные на глаза, превратили нас в серую массу основных войск вермахта.

Как только моторы были заглушены, Пётр Кириллович устало откинулся, снял очки и протёр мокрое лицо.

– Да-а-а, теперь понятно, чему вас учат в будущем. Кто вот так сможет среди немцев кататься, как свой?..

Похоже, техник, следом за Евгеньевым, поверил в мои метания по мирам. Это хорошо, будет работать не за страх, а за совесть. Однако сейчас о другом. Я не знал территорию аэродрома, требовалось его описание с рисунком. Трофейный блокнот и карандаш у меня были, к тому же надо было выяснить, что где хранится. Естественно, воевать с аэродромом я не собирался, но вывезти топливо и боезапас куда-нибудь в надёжное место было возможно. Главное, чтобы нам хватило на два-три боевых вылета. Больше сделать не дадут, но и это неплохо. А потом уже можно направляться к своим. Дело я сделаю: посмотрю своими глазами на погибающую крепость.

Главное для меня это сбросить на крепость сообщение, что помощи не будет и чтобы выбирались они своими силами. Ведь они ждали эту помощь, поэтому и сидели, и дрались до конца, но так и не дождались. А сейчас, пока у них есть силы, остается шанс уйти на прорыв. Лишь бы они поверили мне, поверили сообщению, что я сброшу в разных

частях крепости.

Стянув длинные мотоциклетные перчатки, я сказал:

– Мне нужно знать расположение всех строений аэродрома, что где находится.

– Мы с вами? – тут же спросил Евгеньев.

– Не-е, я пойду один, вряд ли там больше взвода. Для меня они на один зуб, а вас терять не хочется, не зря же с собой тащил. Держи бинокль, с крыши вон того здания, где часовой прогуливается, я подам сигнал, тогда подъедете. Если в течение двух часов сигнала не будет, уходите к нашим. Пётр Кириллович, для тебя у меня отдельное задание. Использовать будем «Чайки». Припомни, где находятся уцелевшие машины? Нам нужны две, где бомбы, топливо и другой боезапас, не забывайте про запчасти. Я там вижу немецкий тен-тованный грузовик, воспользуемся им для перевозки имущества. Тебе, сержант, тоже задание: нужно укромное место подальше от дороги, куда можно добраться на грузовике, но с ровной площадкой, способной принять «Чайки». Взлетим с аэродрома к крепости, мы сюда уже не вернёмся, а отштурмовавшись, полетим к площадке, где нас должен будет ждать Пётр Кириллович. Вот трофейная карта, ориентируйся по ней. В общем, задания я раздал, а пока рисуите схему строений.

С описанием аэродрома и построек – часть была уничтожена бомбёжкой, но кое-что осталось – они закончили за пятнадцать минут, после чего, проверив оба пистолета,

я спокойно направился по небольшой тропке прямо к аэродрому. Игра под ребёнком-подростка продолжалась. Главное – подойти, а там уж я разберусь. Можно и скрытно выдвинуться, но это займет слишком много времени. На мотоциклах тоже риск, связанный с потерей авиаторов, так что сам и только сам.

Одно меня не особо порадовало: топлива на аэродроме было очень мало, всего десяток бочек. Ну, для полка это действительно капля в море, а нам хватит, главное, чтобы было на месте. «Чаек» в полку было полтора десятка, из них не менее пяти должно быть в полном порядке, не знаю, как они наземный бой пережили. Так что надежда была, и не слабая.

Я неспешной походкой приблизился к строениям, внимательно оглядываясь. В прямой видимости был часовой в немецкой форме. Но их наверняка должно быть больше! Грузовик один у здания штаба, там же пара мотоциклов, значит, немцев не более полувзвода. Уже легче.

Часовой меня, конечно, видел, поглядывал изредка, но никаких действий не предпринимал, хотя я был готов нырнуть в траву, если он попытается снять карабин с плеча. Ну, а в том, что он обо мне предупредил, я был уверен на сто процентов.

Вокруг царил разруха: воронки от бомб, сгоревшие остовы боевых самолётов, наземной аэродромной техники, кучи мусора и тряпья, но всё же целые на вид машины были, я их видел вдаль на поле, там, кажется, прохаживался часовой.

Я направился к ближайшему строению, двухэтажной казарме. За ней была столовая, дальше штаб, по крыше штаба и гулял часовой, посматривая вокруг. Когда я скрылся от него за казармой, побежал со всех ног и одним слитным движением рванул в окно на первом этаже, зазвенев разбитым стеклом на полу. После бомбёжек ни в одном здании не осталось ни одного целого стекла, я об этом знал и не ожидал ничего другого.

Попал я явно в каптёрку. Со взятым наизготовку ножом подкрался к двери и, прислушавшись, выглянул. Никого не было, лишь было слышно, как кто-то говорит на немецком, причем, судя по тому, что звук становился отчетливее, беседующие приближались. Скорее всего, после сообщения часового-наблюдателя командир оставленной охраны, наверняка в звании фельдфебеля, направил мне навстречу солдат.

Находился я в коридоре, дальше был виден длинный зал с множеством коек. Я подкрался к лестнице на первый этаж и выглянул в холл. Наружные двери были распахнуты, и оттуда слышались голоса. Теперь уже два. Когда мелькнула тень, я спрятался за угол, готовясь к атаке. Я не ошибся: их было двое. Наверняка ведь командир одного послал, не группу же отправлять за подростком, а второй, скорее всего, увязался сам. В принципе, нормально. Одного положу, другой и для допроса сгодится. Интересно, они из той же моторизованной дивизии, что рвалась к мосту, где я взял пленного? Тот особо рассказать ничего не смог, лишь номер части и за-

дачу, поставленную непосредственным командиром. Лишь упомянул, что немцы Кобрин взяли с большими трофеями и пленными.

Солдаты нападения не ждали. Чиркнув одного по горлу, я, пока тот скрёб каблуками пол, вырубил второго и потащил в каптёрку для допроса. Следовало поторопиться, их быстро хватятся, а мне нужно знать количественный состав немцев на аэродроме. Сил тут явно немного, но всё же требовалось уточнить, чтобы никто не ушёл и не позвал на помощь. Нам нужно хотя бы часа два, чтобы отправить Петра Кирилловича на грузовике в то место, которое подберёт Евгенийев, ну и вылететь к крепости.

Пленный быстро сломался, и я получил те сведения, что мне были нужны, поэтому хладнокровно отправил его в мир иной. Вытерев о форму немца нож, я направился на другую сторону казармы, по соседству со столовой. «Язык» подтвердил, что они из той же моторизованной дивизии, но из роты тылового обеспечения. Тут их тринадцать человек с унтером во главе, трое на часах, остальные отдыхают. Расположились в штабе. Один часовой на крыше, другой на стоянке уцелевшей техники, охраняет новейшие истребители «МиГ» до прибытия комиссии из люфтваффе, ну и один охраняет пленных. Меня это заинтересовало. Оказывается, на аэродроме взяли два десятка пленных, тяжелораненых добили, остальных заперли на пустом продовольственном складе. Там и находился третий часовой.

Незаметно для часового на крыше я покинул казарму – судя по хрусту жестяной крыши, он был на другой стороне. Остальные тоже не могли меня увидеть. Это позволило мне обойти кухню и так же через окно попасть в здание штаба. К моему удивлению, немцы банально дрыхли, как сурки, после плотного обеда, так что прирезать их труда не составило, ни один не проснулся. Подсчитав зарезанных, я задумался. Двоих я положил сразу, трое на часах и тут семеро – получается двенадцать, где ещё один? Не хватало как раз фельдфебеля.

Обыскав все помещения штаба, я нашёл его в кабинете командира полка листающим карты, так что унтер отправился следом за своими солдатами. Потом я поднялся на чердак, подошёл к смотровому окну и метнул нож в наблюдателя.

Выбрался на крышу, проверил патрон в карабине и, вскинув тот к плечу, произвёл два выстрела. Сперва в того, что находился вдали, у стоянки самолётов, а потом и во второго, у сарая с пленными. Тот пытался прыжком уйти за угол, но моя пуля прибила его к земле. Помахав парням карабином над головой, – те меня видели, – я спустился на первый этаж.

Моё внимание привлекли хрипы в одной из комнат, и я рванул туда с пистолетом наготове. Там оказался пустой радиоузел, лишь шумела на волне включенная радиостанция. Видимо, второй солдат, которого я положил в казарме, слушал эфир и решил присоединиться к приятелю. Подойдя, я покрутил настройки и внезапно услышал усталый мо-

нотонный голос радиста:

– Я Крепость... Я Крепость... Прошу помощи. Я Крепость... прошу помощи...

Замерев, я слушал этот голос среди помех, в нём кроме безмерной усталости отчётливо слышалась мольба. Подкрутив настройки радиостанции, я вздохнул. Ещё держатся ребята.

– Продержитесь ещё пару часов, а там уж хоть как-то мы вам поможем, – вслух прошептал я.

Отвечать я не собирался, немцы чётко контролировали эфир и могли с лёгкостью перехватить передачу. Я не хотел, чтобы нас ожидали над Брестом «мессеры».

Выключив радиостанцию, я направился на улицу, оттуда как раз послышался рёв моторов наших мотоциклов. Евгений не умел управлять трёхколёсным транспортным средством, хотя автомобили водил, но, видимо, Пётр Кириллович ему на пальцах показал, и тот смог доехать. Не бросать же технику.

Забрав свою винтовку, я посмотрел, как там часовой на дальней стоянке, – всё ещё лежит не шевелясь, похоже выстрел точный, – и мы втроём направились к сараю. Механик сбил замок и, распахнув дверь, добродушно пророкотал:

– Выходи, честной народ, свои.

– Кириллыч, ты никак? – услышал я изнутри, и оттуда потянулись освобожденные военные. Выстрелы они, оказывается, слышали, да видели в щель, как упал их часовой.

Освобожденные и мои подчинённые радостно обнимались, один уже поднял карабин часового и снимал пояс с боеприпасом, поэтому я решил поторопить события:

– Внимание, стройся! – рявкнул я.

Мои-то сразу послушались, а вот остальные, хотя по привычке и вытянулись, но строиться не спешили. Успели рассмотреть, кто им команды отдает.

– Это ещё что за чудо? – озадаченно спросил один из освобождённых, с «пилой» старшины в петлицах. Причём не авиатор, в его петлицах были общевойсковые эмблемы. Скорее всего, из охранного взвода или зенитчик. Пётр Кириллович рассказывал, что эти подразделения были приданными.

– Евгеньев! – приподнял я правую бровь.

– Я, товарищ майор, – тот сделал шаг вперёд из шеренги в два человека.

– Слушай приказ: бегом к стоянке самолётов, отбери две машины и смотри, чтобы на обеих были направляющие для реактивных снарядов.

– Так они на всех есть, товарищ майор, – тут же отозвался сержант.

– Выбирай две машины, – велел я, и тот со всех ног рванул в конец поля, а я же велел: – Старшина, постройте людей.

Тот не знал, как быть, подчиняться ли моим приказам, как это делают давно знакомые ему бойцы, или всё же послать меня подальше, однако механик продолжал стоять навтыжку, приказа вольно я ему не давал, поэтому, поморщив-

шись, старшина приказал строиться. Пройдась мимо шеренги, я велел:

– Лётчики, шаг вперёд.

Вышли два сержанта. Судя по тому, что именно они обнимались с Евгеньевым, то скорее всего, они приятели или из одного училища. Сам сержант всего месяц как прибыл в часть.

– Представьтесь, сообщите, на чём летали.

– Сержант Харитонов, пилот «Чайки», – сделал шаг вперёд крепкий невысокий светловолосый паренёк лет двадцати на вид.

– Сержант Баринов, пилот И-16, – сообщил другой, высокий и нескладный, с добродушным лошадиным лицом.

– Вы двое, бегом к тем мотоциклам. В люльке среди вооружения две кобуры с трофейными пистолетами. Вооружайтесь и бегом следом за Евгеньевым. Приказ: подготовить к вылету четыре «Чайки», загрузить боезапасом, топливом. Механиков я к вам сейчас пришлю. Бегом.

Те сорвались с места, быстро вооружились, сбили складки гимнастёрок за ремни назад и, придерживая пилотки, побежали за сержантом. Тот за это время уже достиг стоянки и осматривал машины.

– Бойцы подразделения охраны и зенитчики, шаг вперёд, – велел я.

Вышли шестеро, среди них и старшина. Двое были ранены и кое-как перевязаны, поэтому я обратился к четверым

другим:

– Старшина, направьте бойца на крышу штаба, пусть наблюдает за окрестностями, туда же один из пулемётов, снятых с мотоцикла. Вооружайтесь.

– Есть, – козырнул тот и стал командовать.

Пока бойцы вооружались, я велел раненым присесть в тени, ими скоро займутся. Дальше просто. Механиков и техников я отправил следом за лётчиками, выделив им два мотоцикла – семеро как раз уместились, не пешком же им бегать, не молодые, чай, все в возрасте. Приказ у них был тот же: подготовить технику к вылету. Остальным я раздал задания: старшина организовал оборону и цепь постов-наблюдения, другие бегали по аэродрому и искали уцелевшую технику, нашли две полуторки. В кузовы грузового «Опеля» и этих полуторок и начали грузить самое для нас ценное. То есть авиационное топливо, боеприпасы и бомбы. Также подчистили склады, забрав продовольствие с лётными пайками. На складах я нашёл приличное количество новеньких канистр, муха не сидела, всего двадцать штук. Зная о бедственном положении гарнизона крепости, особенно о недостатке воды, я решил хоть так им помочь. Ничтожные объёмы, конечно, но хоть почувствуют, что о них знают и помнят. Может, благодаря этой помощи они поверят, что из крепости нужно уходить, причём срочно, прорываясь в леса.

Организацию сброса канистр и продовольствия – бомбы мы брать не будем – я возложил на Петра Кирилловича,

а тот, подумав, вызвал молодого парнишку, как оказалось, укладчика парашютов, который дружил с головой, и поставил ему ту же задачу. Теперь уже паренёк озадаченно чесал затылок, как сбросить гарнизону воду и продовольствие и не повредить канистры. Но какая-то идея ему пришла, лицо прояснилось, и он унёсся в сторону складов с вещевым имуществом, где хранились парашюты.

Я же носился по аэродрому сайгаком, нужно было организовать нормальную медпомощь шестерым раненым, питание всем бывшим пленным – они не ели с утра, а был уже четвёртый час, – подготовить колонну к отправке, причём требовалось снять с немцев форму, поедут солдаты ряжеными и без меня. Старшим колонны я назначил Петра Кирилловича. За охрану отвечал старшина Главнюк.

Евгеньев уже доложил, что четыре машины подготовлены, оставались последние работы, да ещё требовалось как-то прицепить к бомбодержателям канистры и продовольствие. Реактивные снаряды уже на направляющих, по три с каждой стороны. На «Чайках» было по два бомбодержателя, на каждый планировалось закрепить две канистры с водой и два вещмешка с тушёнкой. Высококалорийная еда должна помочь продержаться. Сидоры уже наполняли, да и канистры тоже. Машины были практически загружены, к «Опелю» даже прицепили топливозаправщик с простреленным мотором, но целой ходовой, а в нём полбочки топлива. Дырки заткнули щепой. Ну, и двенадцать бочек с топливом и маслом

уместились в кузовах полуторок, туда же грузили реактивные ракеты, бомбы, боеприпасы к авиационным пулемётам, продовольствие и канистры с водой. Воздушный рейд к крепости у нас будет не один.

Перед вылетом я узнал, что там придумал уникам парашютного спорта. Всё оказалось просто, по три выпускных парашюта, привязанные к канистрам и вещмешкам стропами, сбрасываются стандартно, как бомбы. Паренёк просил делать это не ниже ста метров, не то всё побьётся. Оснастить этими нужными Крепости «бомбами» он успел всего две машины, но ему помогали девять человек, так что через двадцать минут обещал закончить.

– Полшестого, – мельком посмотрев на часы, сказал я. – Поторопись.

А я направился в штаб на мотоцикле. Там занял кабинет командира полка и начал писать письма. Ну, не совсем сам, среди уцелевших как-то затесался полковой писарь, вот он на машинке и писал приказы. Потом я подписывал их, ставил полковую печать, которая хранилась тут же. Подготовил восемь сообщений о ситуации на фронте и приказы на оставление крепости. Помощи не будет.

Все конверты убрали в сидоры с тушёнкой, где их точно найдут. Теперь всё было готово, мы подождали, когда колонна уйдёт.

Место для временного аэродрома подобрано. Проверив друг у друга парашюты, мы стали залезать в кабины боевых

машин. Евгенийев с плохо скрываемым удивлением показывал мне в кабине «Чайки», какой прибор за что отвечает. Поглядывал он на меня с сомнением, однако память разведчика не подвела, и я запомнил с первого раза и повторил всё, что он мне сказал.

– Вы точно сможете управлять этим истребителем? Машина серьёзная, ошибок не прощает.

– Не бойсь, сержант, я не подведу, главное, выведите меня на крепость и на примере покажите, как надо штурмовать вражеские позиции. Только по своим не бейте, им там и так тяжело.

– Понял, сделаем.

Радиостанций в машинах было всего две, в моей и Евгеньева. Мы были ведущими, остальные ведомыми. Работать должны были парами. Мне дали сержанта Харитонову как опытного пилота этих машин, тот должен прикрывать меня на случай появления истребителей противника. Наземную штурмовку я ещё проведу, а вот воздушный бой, уж извините, не смогу, знаний не имею.

Наконец, полчаса, которые мы дали парням из колонны, истекли. Те должны были под видом трофейной команды немцев выдвинуться в сторону нужного квадрата, чтобы соорудить там замаскированный аэродром. Тут восемь километров всего, так что надеюсь, они уже преодолели половину пути и скоро будут на месте. Пора и нам поработать. Сделав отмашку, я опустил на глаза навороченные лётные очки

с зеркальным покрытием, снятые с тела немца. Взревели моторы истребителей-штурмовиков, и после недолгого прогрева моторов парами мы пошли на взлёт. Опыт управления такими машинами у меня, конечно, отсутствовал, но разницы особой не было, что «Сесна», что «Чайка», так что я быстро догнал и полетел неподалёку от пары Евгеньева. Харитонов от меня не отставал. Немного напрягало, что кабина была открытой, ветер бил в лицо, и небольшой плексигласовый козырёк впереди не помогал, однако ничего, приноровился.

После нашего взлёта двое оставшихся техников начали жечь подготовленную к уничтожению технику. Потом в немецких мундирах на мотоцикле они должны последовать за колонной Петра Кирилловича. Когда мы поднялись на высоту полкилометра, я обернулся. Над аэродромом уже стояли чёрные клубы от горевшей техники. Молодцы ребята, всё исполнили как надо. Они просто бегали с факелами и поджигали пропитанные маслом и бензином тряпки, брошенные или в кабины или под самолеты. Жгли всё, и целевшую, и повреждённую технику. Ничего не должно было остаться. Чтобы ничего не досталось врагу.

Летели мы на высоте полукилометра на крейсерской скорости. Где крепость, Евгеньев знал, он рядом три воздушных боя провёл, так что вёл уверенно. Кстати, на счету сержанта один сбитый «юнкерс», остальные такими успехами похвастаться не могли, раньше машины потеряли, но зато участвовали в штурмовках немецких войск, так что какой-ника-

кой, но опыт у них был.

Когда впереди показались несколько тонких струек дыма и два вполне крупных чёрных столба, я сглотнул ком в горле и понял, что мы приближаемся к Бресту. Вот оно, часикс. Радист, что нашёлся среди освобожденных пленных, настроил наши рации на волну радиостанции крепости, многие слышали ее мольбы о помощи, специально ходили в радиопузел, но мы не отвечали. Поэтому когда вдали показались дымы, я прижал ларингофон к горлу и стал вызывать радиста гарнизона:

– Крепость, Крепость, я Орёл, ответьте. Приём.

– Орёл, Орёл, я Крепость, – захлёбываясь словами, ответил радист. Пока мы летели, тот молчал, видимо берёт батареи. – Орёл, срочно требуется помощь гарнизону крепости.

– Крепость, мы на подходе. Немедленно обозначьте сигнальными ракетами или трассирующими пулями строения, где засел противник. Ждите подарки с неба. Восемь единиц. Помощи не будет. Повторяю, помощи от командования не будет, прорывайтесь сами. Приказ мы сбросим, готовьтесь принять. Приём.

– Орёл, я Крепость, вас понял. Ждём вас. Приём.

– Крепость, я Орёл, у вас минута, мы на подлёте. Приём.

Под нами уже были улицы Бреста, когда неожиданно для меня пара Евгеньева свалилась на крыло и пошла вниз. Общаясь, я как-то упустил, что мы уже на месте, и теперь стало понятно, почему первая пара атаквала. Было видно, как из

нескольких задымленных строений начали бить трассирующими пулями, ракет я так ни одной и не дождался, видимо их не было в наличии.

Немного нервничая, я повёл машину вниз, так же свалив её на крыло и направляя на площадь. Там как раз шла атака. при поддержке трёх танков немецкая пехота атаковала одну из казарм. Направив прицел на два танка, что шли рядом, я выпустил разом все реактивные ракеты. Думаю, чудо, что я попал. Один вспыхнул, другой лишился башни, но я едва успел вывести истребитель из пике, чуть не чиркнув днищем о землю. Так и подарки гарнизону можно потерять!

Поднимая машину в небо, я огляделся и успел рассмотреть, как исчезает в разрывах реактивных снарядов третий танк – это Харитонов отстрелялся. Мы уже определился, где сидят наши, а где немцы, поэтому, разворачивая самолёт для сброса подарков, я снова вызвал радиста гарнизона:

– Крепость, я Орёл, скидываю подарки в районе подбитых танков, принимайте. Вам четыре. Приём.

– Орёл, я Крепость, тебя понял. Приём.

В полукилометре от нас пара «Чаяк» Евгеньева делала то же самое. Они помогли огнём ракет и пулемётов другой части гарнизона, которая была отсечена от своих. А также сбросили подарки. Я нажал кнопку сброса за пятьдесят метров от той казармы. Выкинув по три парашюта, продовольствие и вода начали опускаться, однако я ошибся, и те опускались на площадь, где залегли немцы, нашим до них было

не добраться. Не лучше отстрелялся и Харитонов, его груз лёг перед казармой. Не бомбардировщики мы, да и сбрасывали не бомбы.

Однако бойцов гарнизона это не остановило. Выпрыгивая из окон и выбегая из дверей, одни падали, сраженные пулями, но другие бежали к канистрам и вещмешкам. Чтобы прекратить бойню, я развернул «Чайку», и мы с ведомым атаковали тех, кто залёг в воронках и за любыми укрытиями на площади, расстреливая их из пулемётов, которых у меня было четыре. Да и командиры казармы, пользуясь нашей помощью, подняли всех, кто мог ходить, в атаку. Так что наша помощь была существенной. Сам я работал по площади и сделал довольно результативный заход, а вот Харитонova направил уничтожить обложенные мешками с песком пулемётные точки на другой стороне площади. Тот одним заходом подавил две. А их было восемь, так что в следующий заход я присоединился к нему, всё равно на площади шла рукопашная схватка и стрелять я не мог.

На этот раз пулемёты мы подавили, после чего я скоординировал сбор и направил машину прочь от крепости. Чуть позже нас догнала пара Евгеньева и заняла место ведущих.

– Орёл, я Крепость, подарки получили... Спасибо, братцы, – донеслось до нас, когда мы возвращались. Приёмники были у всех, только передатчики у нас с Евгеньевым, поэтому радиста гарнизона слышали все лётчики.

Только удалившись от крепости, я понял, какое чудовищ-

ное напряжение держало меня, поэтому стал делать лёгочную гимнастику, она мне очень хорошо помогала прийти в себя, но всё равно потом пропиталось всё нательное бельё и даже лётный комбинезон. Я ничем не отличался от лётчиков, что пилотировали другие машины: такой же синий комбинезон, такой же шлемофон, кобура с пистолетом на боку. Разве что очки были свои, зеркальные.

Подняв очки, я рукавом вытер мокрое лицо. Хотелось пить. «Чайка» стала сперва уходить вниз, потом вильнула вверх, и тут же последовал запрос от Евгеньева. Но я его успокоил, всё в норме. Отходняк у меня.

К этому моменту мы были на месте и, как договаривались, поймали солнечные зайчики от механиков. Значит, всё в норме. Они на месте – немцев нет. Летели мы на бреющем до аэродрома подскока, метрах в пятидесяти от земли, так что я надеялся, что аэродром не скоро обнаружат. Первой на посадку пошла пара Евгеньева, а потом уже мне пришлось поднапрячься, но сел нормально, на три точки, даже без «козла», который вполне мог получиться. Впервые совершаю посадку на такой машине.

Я подогнал истребитель к деревьям, где были видны силуэты грузовиков, после чего заглушил мотор и устало откинулся на спинку.

– Товарищ майор, как вы? – забравшись на крыло, спросил Пётр Кириллович.

– Устал просто, – слабо улыбнулся я. – Вылет сложный

был. Готовьте машины к следующему вылету.

– Что, снова полетите?! – удивился тот. Видимо, так пока не делали.

– Да, там в стороне артиллерийские батареи, гаубичный дивизион, похоже, нужно его уничтожить. Пополняйте боезапас, в этот раз вешайте бомбы. Тут недалеко, успеем слетать. Может, и на третий заход сил хватит, ещё продовольствия и воды им скинем. Чтобы сэкономить время, топливом не заправляйте, у нас больше полбака, хватит на ещё один вылет.

Пётр Кириллович, не отходя от машины, отдал несколько приказов, отчего все свободные техники и механики засуетились, перетаскивая от машины длинные ящики с ракетами и другим боеприпасом, а механик вернулся ко мне.

– К нам пограничники присоединились, восемь человек, двое раненых на носилках. Мы их накормили, помогли с боеприпасом. Старший у них старшина. Это все, кто выжил на заставе. Трое контужены серьёзно. Будете говорить с ними?

– А то! – почувствовав прилив сил, кивнул я. С помощью Петра Кирилловича покинул кабину и, сняв парашют, направился к деревьям.

Старшина-пограничник не выглядел удивлённым. Видимо, ему уже порассказали обо мне, поэтому я встретил лишь заинтересованный изучающий взгляд.

– Нравлюсь?

– Скорее удивляешь, – осторожно покачал тот забинто-

ванной головой. Свежая повязка закрывала все лицо, виден был только один глаз.

– Кто ты и откуда, спрашивать не буду, да и неинтересно это мне, но просьба к тебе есть. Возьмёшь под командование авиаторов? Нужно колонной ночью уехать как можно дальше, пока хватит топлива. Запаса имеется на полторы сотни километров.

– До ближайшего брода доедем, там на немцев наткнёмся, и всё.

– Вполне возможно, но поедете ряжеными, дальше уничтожите технику и пёхом. С ранеными я помогу, заберу с собой.

– Это как? – искренне удивился тот. – У меня один тяжёлый, дорогу может не выдержать.

– Я уже велел своему механику подготовить лежащие пассажирские места на крыльях, а чтобы их не сдуло, там будут страховочные ремни. Пристегнем, переждут весь полёт. Специально на малой скорости полетим. Четыре машины, значит, на пределе загрузки восемь человек. Механика своего беру и семерых раненых. Так что, старшина, готовь людей, раненых оставляйте тут вместе с моим механиком, а уж завтра мы вылетим к своим, топлива должно хватить. Вы же двигайтесь, как только стемнеет. Всё ясно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.